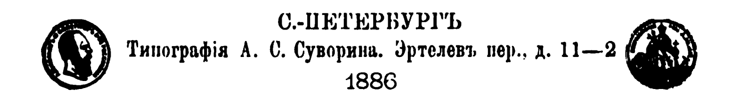

С. А. АНДРЕЕВСКІЙ

СТИХОТВОРЕНІЯ

1878—1885

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2
1886

Beauty is the sole legitimate province of the poem; melancholy is thus the most legitimate of all the poetical tones.

Edgar A. Poe.

I.

Дума.

Какъ жутко въ чудный, свѣтлый день,
Въ концѣ весны, въ началѣ лѣта,
Когда цвѣтетъ уже сирень
И ландышъ не утратилъ цвѣта, —
Замѣтить снѣжное пятно
Въ глухомъ, безжизненномъ оврагѣ,
Гдѣ долго прячется оно
Въ пріютѣ сумрака и влаги.

Такъ наше сердце иногда
Смущаетъ горестная дума,
И старость мертвая угрюмо
Грозится издали, когда,
Еще въ цвѣтущіе года,
Среди красотъ незамѣнимыхъ,
Завѣтовъ жизненной весны —
Случится намъ въ кудряхъ любимыхъ
Подмѣтить нити сѣдины.

—❖—

Я вспомнилъ дѣтскіе года...
Понять ихъ сердце не съумѣло
И все, что прежде въ немъ горѣло,
Въ немъ не оставило слѣда.

Я вспомнилъ дѣтскія черты...
Куда ты, время, ихъ дѣвало?
Какъ сномъ навѣянной мечты,
Улыбки ласковой не стало.

Скажи, дитя: гдѣ голосъ твой?
Гдѣ нѣжно-сотканное тѣло?
Увы! Мы чуждые съ тобой,
Ты отдѣлилось... улетѣло.

Желалъ бы, о тебѣ горюя,
Пойти оплакивать твой слѣдъ,
Твоей гробницы не найду я:
Тебя нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ!

3

Что смерть убьетъ, — надъ тѣмъ могила
Отраду горести даетъ;
Что̀ море жизни унесетъ —
То будто вовсе и не жило.

Первый слѣдъ.

Шелъ тихо снѣгъ обильный и пушистый,
Ложась легко на бѣлыя поля;
Въ молочный цвѣтъ, ласкающій и чистый,
Слились въ тотъ день и небо и земля.
Въ сыромъ теплѣ и воздухѣ привольномъ
На санкахъ въ даль летѣли мы вдвоемъ,
И много звѣздъ, въ круженьи своевольномъ,
Оставилъ снѣгъ на личикѣ твоемъ;
Къ твоей косѣ подкрался онъ въ косынку,
Сѣдую пыль въ рѣсницы заронилъ,
На край щеки принесъ тебѣ слезинку,
И все рѣзвѣй, все гуще семенилъ,
Какъ будто вдругъ онъ весь пустился въ танецъ;
Порой глаза ты жмурила, смѣясь,
Тебя живой охватывалъ румянецъ,
И мы неслись — застывъ, не шевелясь...

Сталъ рѣже снѣгъ. Виднѣй была окрестность,
Нашъ конь усталъ, мы двигались шажкомъ.
Въ коврахъ зимы свѣтившаяся мѣстность,
Простора тишь блаженная кругомъ —
Въ насъ вызвали ребяческую радость...
Ты ручку мнѣ изъ муфты подала.
Я испыталъ невѣдомую сладость,
Коснувшись къ ней. Согрѣта и бѣла,
Она еще хранила запахъ мѣха
Въ тотъ мигъ, какъ я къ губамъ ее прижалъ:
Невинныхъ лѣтъ опасная утѣха,
Кто сладкихъ чаръ твоихъ не испыталъ!
Тотъ поцѣлуй пролилъ на сердце нѣгу,
Впервые въ насъ проникла дрожь любви:
Такъ мы, скользя по дѣвственному снѣгу,
Въ безслѣдный путь врѣзали колеи.

Въ блескѣ.

Твой уборъ головной возвышается пышно,
Облекаетъ тебя прихотливый нарядъ,
На коврахъ у тебя человѣка не слышно,
На рукахъ и на шеѣ каменья горятъ.

Полулежа сидишь ты на цѣнныхъ гобленахъ,
Отражаетъ тебя дорогое трюмо;
Предъ тобою, блистая на мраморныхъ стѣнахъ,
Преклонилось за деньги искусство само.

Но ты помнишься мнѣ, когда косы змѣились
У тебя по кисейной рубашкѣ твоей,
Звонко пѣсни и смѣхъ надъ тобою носились,
Ослѣпляла ты взоръ безъ сіянья камней.

Мы сидѣли съ тобой на скамейкѣ досчатой
И глядѣли на зеркало свѣтлой рѣки
Въ деревенской глуши, безъ искусства богатой,
Тамъ, гдѣ золото—рожь, бирюза—васильки.

Въ теплой тучкѣ звѣздочка свѣтила,
Сквозь дымокъ на божій міръ глядѣла
И, мигая, сердцу говорила:
„Не тоскуй, жди лучшаго удѣла!"

— Безполезны, звѣздочка, намеки!
Въ сизой тучкѣ скоро ты утонешь.
Небеса при жизни мнѣ далёки,
А въ могилу свѣта не заронишь...

От милыхъ строкъ, начертанныхъ небрежно,
Когда-то жившею рукой
Незримый духъ, безропотно и нѣжно,
Намъ вѣетъ тихою тоской!

Безмолвенъ гробъ, портреты безотвѣтны,
И вы лишь, блѣдныя слова,
Забытымъ здѣсь даете знакъ завѣтный,
Что тѣнь души еще жива!

—❧—

Я сижу у проѣзжей дороги,
Гдѣ, не зная, что значитъ печаль,
Дѣти юности гордо, какъ боги,
Беззавѣтно уносятся въ даль.

Тамъ, я знаю, на жизненномъ полѣ —
Какъ немного вы спуститесь внизъ —
Вашу дѣтскую спѣсь поневолѣ
Не одинъ опечалитъ сюрпризъ.

Запылятся въ дорогѣ одежды,
На вѣнкахъ пожелтѣютъ цвѣты,
И не сбудутся ваши надежды,
И развѣются ваши мечты...

Вижу я, что впередъ безразсудно
Всѣ въ одномъ направленьи спѣшатъ,
Что въ покинутомъ краѣ такъ чудно,
А никто не проходитъ назадъ!

Всѣ легли и лежатъ у дороги...
Но, не зная, что значитъ печаль,
Дѣти юности гордо, какъ боги,
Беззавѣтно уносятся въ даль.

Меня зоветъ осенній шумъ дубовъ
Въ родной пріютъ уединенья,
Гдѣ подъ шатромъ безтрепетныхъ листовъ
Я зналъ минуты наслажденья.

Тотъ легкій кровъ развѣянъ и снесенъ
Давно умолкшими вѣтрами,
Но слѣдъ одинъ прошедшаго спасенъ,
Щадимый быстрыми годами:

Два слова есть на пепельной корѣ
Березы блѣдной и печальной,
Ихъ слѣдъ окрѣпъ на мягкомъ серебрѣ
Ея коры первоначальной.

Я въ тѣнь иду безъ ропота, безъ словъ,
Не тороплюсь, гонимый страстью,—
Меня зоветъ осенній шумъ дубовъ
Отдать привѣтъ былому счастью.

Чистый образъ видѣнья любимаго,
Не слетай надо мною свѣтить
И усталое сердце будить
Не пытайся отъ сна нерушимаго!

Не играй лучезарными красками
Предъ опущеннымъ взоромъ моимъ
И къ восторгамъ, давно неживымъ,
Не зови неотступными ласками...

Тихій сонъ агоніи спасительной
Не тревожь дуновеньемъ крыла,
И безкровную блѣдность чела
Не кропи мнѣ росой освѣжительной...

Надо мною въ нѣмой тишинѣ
Струны счастья вдали обрываются,
Тѣни милыя, молча, прощаются, —
Дай безъ мукъ успокоиться мнѣ!

Не повторяй, что радости превратны
И кратковременны мечты:
Безпечнымъ дѣтямъ суеты
Слова печали непонятны.
Насъ тѣшитъ міръ,
Какъ шумный пиръ,
Гдѣ ярко свѣтитъ газъ и женщины смѣются
И звуки вальса раздаются.
Пускай нѣмая ночь, за мраморной стѣной,
Черна, какъ трауръ погребальный:
Не заразится воздухъ бальный
Ея безжизненною тьмой.
Взгляни: тяжелый штофъ, и тюль, и кружева
На окнахъ складками повисли, —
Мы гонимъ сумрачныя мысли,
Въ насъ жажда счастія жива!

Иди съ своей тоской, задумчивый пророкъ,
Въ лѣсныя дебри и въ пустыни,
Гдѣ, въ созерцаніи святыни,
Ты будешь вѣчно одинокъ.
Тамъ рѣчи дальнихъ звѣздъ отшельникамъ понятны,
Тамъ тихо падаютъ листы,
Тамъ будешь повторять, что радости превратны
И кратковременны мечты...

Даль прошлаго.

Неуловимая, минутная отрада,
Коварная, какъ блескъ измѣнчиваго взгляда,
Мнѣ грѣетъ иногда безжизненную грудь
И къ счастью прошлому указываетъ путь:
Какъ искорки, горятъ въ душѣ воспоминанья —
Минувшая любовь, отжившія желанья
Слетаютъ чередой, въ туманномъ полуснѣ,
Тревожить радости, застывшія во мнѣ.
Въ обманчивомъ бреду я сердцемъ оживаю
И старой пѣснѣ въ ладъ — аккордамъ отвѣчаю,
И, кажется, ловлю, сквозь дальній сумракъ лѣтъ,
Заглохшаго огня мерцающій просвѣтъ, —
Но вскорѣ, отрезвясь, я снова каменѣю
И силы юныхъ чувствъ постигнуть не умѣю.

Вотъ скоро сметутся наносы мятели
И въ зелени сада проснутся качели,
И выбѣгутъ дѣти шумѣть,
И станетъ красавица пѣть
Въ раздумьи вечернемъ, у оконъ открытыхъ,
О радостяхъ, нами давно пережитыхъ,
И синія тучи весны
На западѣ будутъ видны...

И намъ лучезарное время свѣтило,
И небо весеннее къ жизни манило,
И легкія тучи на немъ
Играли заманчивымъ сномъ;
Но съ сердцемъ усталымъ и грудью холодной
Кàкъ примемъ объятья природы свободной,
И чтò въ насъ откликнется ей,
Когда запоетъ соловей?..

Слезы.

Тихо и дружно текутъ эти жаркія слезы,
Съ ними по каплѣ растаяло горе въ туманѣ,
Мирное сердце не ждетъ ни откуда угрозы,
Теплой волной подошло исцѣленіе къ ранѣ...

Вотъ и суровой печали не стало въ поминѣ...
Грудь-же свободная робко о чемъ-то вздыхаетъ:
Такъ-то душевныя бури стихаютъ въ пустынѣ!
Такъ-то горячее сердце отъ слезъ остываетъ!

—❖—

Я схоронилъ для думъ ненарушимыхъ,
Для чистыхъ грезъ, для отдыха въ борьбѣ,
Средь милыхъ тайнъ, завѣтныхъ и любимыхъ,
Я схоронилъ привязанность къ тебѣ!

Издалека, забытый на чужбинѣ,
Люблю въ мечтахъ бесѣдовать съ тобой
Подъ стукъ часовъ на гаснущемъ каминѣ,
Подъ музыку сосѣдки молодой.

Люблю гадать, кого съ желаннымъ пыломъ
Ты назовешь избранникомъ своимъ?
И долго-ли на сердцѣ неостыломъ
Онъ будетъ жить никѣмъ незамѣнимъ?

Мнѣ жребій твой рисуется счастливымъ,
Любовь и миръ пророчу я тебѣ,
Всѣ дни твои съ участіемъ ревнивымъ,
Съ молитвами довѣрилъ я судьбѣ.

И лишь порой, сомнѣньями терзаемъ,
Боюсь считать бѣгущіе года,
Боюсь, что врозь мы счастья не узнаемъ,
А близкими не будемъ никогда.

*

Я часто вижу взоръ плѣнительныхъ очей,
Полузавѣшенныхъ рѣсницами густыми,
И брови тонкія подъ прядями кудрей,
И станъ, нетронутый объятьями земными.

Я вижу, будто-бы, сквозь юныя черты,
Улыбка ангела, разставшагося съ міромъ,
Зоветъ презрѣнными житейскія мечты
И счастье здѣшнее — безсмысленнымъ кумиромъ.

Но кто увѣруетъ въ таинственный языкъ
И въ знаки темные печальныхъ привидѣній?
И въ комъ отъ горести закроется родникъ
Земныхъ измѣнчивыхъ, но милыхъ намъ стремленій?

Въ уютной комнаткѣ, среди твоихъ подругъ,
Подъ говоръ юношей счастливыхъ и влюбленныхъ,
Не жалко мнѣ людей, надеждой ослѣпленныхъ,
Но жалко мнѣ тебя, тебя, забытый другъ!

NOCTURNO.

Въ минутномъ залпѣ небеса
Весь міръ громами огласили.
Все гибло вмигъ. Мои глаза
Раскрылись дико. Въ каждой жилѣ
Я чуялъ боль. Безсильный стонъ
Сдавилъ мнѣ грудь. Ошеломленъ,
Я звалъ безъ словъ на помощь Бога...
То смерть была...
Не смерть, а сонъ.
Какая глупая тревога!

Лилія.

ПОДРАЖАНІЕ ГЕЙНЕ.

Любовью къ мѣсяцу сгорая,
Давно ужъ лилія груститъ
И въ дальній міръ, въ предѣлы рая,
Съ напрасной жаждою глядитъ.

И безутѣшна, и стыдлива,
Слезами вся орошена,
Въ пустыню неба дочь залива
Глядитъ всю ночь, не зная сна.

Но вдругъ она головкой бѣдной
Поникла къ трепетнымъ водамъ —
И съ нѣжной страстью мѣсяцъ блѣдный
Упалъ, дрожа, къ ея ногамъ...

Помнишь лѣтнюю ночь? Съ поля пахло дождемъ,
Въ тишинѣ предъ грозой замирала земля...
Какъ ту ночь хорошо было слушать вдвоемъ
Намъ украдкой съ тобой, дорогая моя!

Онѣмѣли цвѣты... лѣсъ тревожно затихъ,
Свѣтъ зарницы дрожалъ въ темносиней дали,
И столпилось въ душѣ столько грезъ молодыхъ,
Что и мы, какъ цвѣты, говорить не могли...

Черной сѣтью плелись силуэты вѣтвей
По каймѣ золотой потухавшей зари:
Та заря унесла лучшій блескъ нашихъ дней,
Но шепнули мы ей: „поскорѣй догори!“

И потухла заря. И какъ фея любви
Насъ окутала ночь безмятежнымъ крыломъ, —
А гроза въ сторонѣ зажигала огни,
И ревниво порой гдѣ-то вздрагивалъ громъ...

Два желанья.

Въ тѣни дорогого алькова
Лежитъ онъ безсиленъ и старъ.
И дряхлое тѣло больного
Сжигаетъ мучительный жаръ.
Онъ пожилъ богато и сыто,
И дольше, чѣмъ можно желать;
Весь тонкій развратъ сибарита
Ему довелось испытать.
И видя, какъ жизни привольной
Предъ нимъ обрывается нить,
Онъ стонетъ, кряхтитъ недовольный:
„Еще-бы... еще-бы пожить!“

Она молода и прекрасна.
Недавно ея нищета
Была нестерпимо-ужасна.
И вдругъ — золотая мечта! —

Ей счастье на мигъ улыбнулось:
Дремавшая въ тяжкой нуждѣ,
Любовь-чародѣйка проснулась,
Заставивъ забыть о трудѣ.
И шепчетъ она, молодая,
Слезами блаженства рыдая,
Усталая горе терпѣть: —
„Теперь-бы... теперь — умереть!“

Небо.

Я неба не пойму: покровъ его туманный
Въ поляхъ и въ городѣ витаетъ надо мной,
Преслѣдуетъ меня съ настойчивостью странной
И свѣтитъ мнѣ въ окно, вникая въ уголъ мой.

Мнѣ въ немъ не нравится наружный видъ участья,
Его глубокіе, безъ очерка, глаза,
И странно, что всегда, въ тяжелый мигъ несчастья,
Предъ нимъ съ довѣріемъ дрожитъ моя слеза!

Не разъ я сѣтовалъ, что много думъ завѣтныхъ,
Которыхъ не узналъ любимый въ мірѣ другъ,
Разсѣялъ я на немъ, въ пустыняхъ безотвѣтныхъ,
Невольно съ нимъ дѣля мечтательный досугъ.

Я неба не пойму: подъ маскою нарядной
Надежды за всю жизнь я въ немъ не прочиталъ—
И все-же я скажу: знакомъ покой отрадный
Тому, кто передъ нимъ очей не опускалъ...

Я ревнивъ къ этой зелени нѣжной
Первой зелени вешнихъ лѣсовъ,
И до самой зимы бѣлоснѣжной
Любоваться-бы ею готовъ.

И въ концѣ плодотворнаго мая,
Примѣчая богатство листвы,
Я ужъ думаю, грустно мечтая:
„Гдѣ ты, юность! о, юность... увы!“

Проснулся вновь, гляжу осиротѣлый
На новый день: мой другъ вчера угасъ,
Поникъ вдали, нѣмой и охладѣлый...
И все бѣднѣй союзниковъ запасъ,
Все лучшіе отъ жизни сторонятся!
Найду-ль иныхъ? Уже недалеко
Дни старости безцвѣтно серебрятся:
Усталый духъ роднится не легко!

А день хорошъ, какъ будто нѣтъ въ природѣ
Жестокихъ дѣлъ и горестныхъ утратъ:
Свѣжѣетъ воздухъ; осень на исходѣ,
Морозомъ кроетъ лиственный нарядъ;
Толпа снуетъ съ весельемъ и заботой,
Воскресный звонъ гудитъ издалека,
И дымными грядами съ позолотой
На небѣ утреннемъ слоятся облака...

Ѣду въ сумерки: зимняя тишь,
Все бѣлѣетъ, куда ни глядишь,
И больница, и церковь, и домъ
Мирно свѣтятся яркимъ огнемъ.
Теплый вѣтеръ подулъ и затихъ,
Свѣжимъ дымомъ запахло на мигъ,
И дрожитъ при лучахъ фонарей
На снѣгу тѣнь лошадки моей,
И кругомъ суеты не слыхать,
Словно жизнь утомилась роптать,—
Будто легче звучатъ голоса,
Будто ближе къ землѣ небеса,
И я жду — сердце бьется въ груди—
Тайной радости жду впереди...

Жди меня!

Эпитафія.

Любимой подруги утрата
Мнѣ сжала отчаяньемъ грудь...
Я думалъ: не видно возврата
На прежній безгорестный путь!

И страстно твердилъ я, рыдая:
„На сердцѣ больного слѣда,
Клянусь я, клянусь, дорогая,
Не смоетъ ничто никогда!...“

Но мѣсяцы шли вереницей,
Смѣнялись тепло и морозъ —
И я передъ тихой гробницей
Ужъ могъ преклоняться безъ слезъ.

А позже я каялся Богу,
Что въ сердцѣ печаль не долга,
Что здѣшняя жизнь понемногу
Мнѣ сдѣлалась вновь дорога...

И въ дни панихиды годичной,
Послушавъ бряцанья кадилъ,
Я къ ропоту жизни обычной
Спѣшу отъ печальныхъ могилъ.

Твердость.

Люблю твоихъ глазъ непорочную ясность
И смѣлую правду рѣчей,
И добрыхъ дѣяній святую негласность
Въ кругу незамѣтныхъ людей.
Но ежели счастье тебя отуманитъ
И съ лаской подкрадется лесть,
И блага, которыхъ не счесть,
Фортуна къ тебѣ раболѣпно протянетъ, —
Незыблемъ останься межъ нихъ:
Такъ струны прямыя лучей золотыхъ,
Снопомъ ниспадая изъ купола храма,
Недвижны въ кудрявыхъ волнахъ ѳиміама...

О погодѣ.

1.

Путь мелькаетъ, мы на волѣ,
Городъ изъ виду исчезъ,
Солнца нѣтъ на тихомъ полѣ
Свѣтло-дымчатыхъ небесъ.
Нынче дождика не будетъ:
Воздухъ крѣпокъ и здоровъ,
И ненастье не разбудитъ
Полусонныхъ облаковъ.
По кремнистому извиву,
Обогнувшему луга,
Мы спускаемся на ниву,
Гдѣ ужъ собраны стога.
Въ сторонѣ чернѣетъ ельникъ,
А внизу бѣжитъ потокъ...
Славный выдался денекъ —
Этотъ сѣрый понедѣльникъ.

2.

Шумятъ ручьи, подснѣжные ручьи...
Иная жизнь торопится на смѣну,
Ничей запретъ и жалобы ничьи
Не отвратятъ благую перемѣну!
Богатыхъ льдовъ заплачутъ хрустали,
Сѣдыхъ полей истреплется порфира,
И вздохъ, и паръ подымутся съ земли,
Летя навстрѣчу вольнаго эфира;
И звучный кликъ пошлютъ подъ небеса
Хрипѣвшіе подъ стужей голоса,
И чуждыхъ странъ невиданныя птицы
Влетятъ въ окно провѣтренной темницы.

На крышѣ коннаго вагона.

Люблю, въ ласканьи вѣтерка,
На крышѣ коннаго вагона,
Съ перилъ плебейскаго балкона
Глядѣть на городъ свысока,
Нестись надъ моремъ экипажей,
Глазѣть по окнамъ бель-этажей,
Въ кареты взоры опускать
И тамъ случайно открывать
На складкахъ шелковаго платья
Двухъ рукъ любовное пожатье...
Люблю глядѣть и за борты,
Колясокъ пышныхъ и глубокихъ
(Хотя внутри онѣ пусты),
Люблю камелій быстроокихъ,
Въ сіяньи наглой красоты,
Обозрѣвать въ углу коляски,
Гдѣ, развалясь и глядя вбокъ
И туфли выставивъ носокъ,

Онѣ прохожимъ строятъ глазки...
Люблю весеннею порой
Съ высокой крыши подвижной
За институтскія ограды
Бросать непрошенные взгляды...
Никто наверхъ не поглядитъ,
Никто въ боязни малодушной
Предъ нашей публикой воздушной
Не лицемѣритъ, не хитритъ;
А взоръ повсюду нашъ паритъ...
И вотъ, когда мнѣ прямо къ носу
Вагонъ съ услугой подкатитъ —
Всегда наверхъ меня манитъ:
Взберешься, вынешь папиросу,
Сосѣдъ предложитъ огонька,
Кивнешь признательно, закуришь,
Поговоришь, побалагуришь —
И всѣ, въ ласканьи вѣтерка,
На крышѣ коннаго вагона,
Съ перилъ плебейскаго балкона
На міръ глядимъ мы свысока.

Въ началѣ жизненной дороги
Я зналъ неясныя тревоги.

Я видѣлъ много милыхъ сновъ
Въ тѣни сиреневыхъ кустовъ.

Когда въ саду цвѣли жасмины,
Я волновался безъ причины.

О чемъ, при звѣздахъ, по ночамъ
Я слезы лилъ—не знаю самъ.

И нынче также, дни и годы,
При воѣ зимней непогоды,

При лѣтнемъ солнцѣ и весной
Въ тѣни сирени молодой

Я часто слезы проливаю—
Но слезъ, увы! причину знаю...

Мимолетная дума.

**Майскія тучи наводятъ полуденный мракъ.
Вѣтки зеленыя въ небѣ дождливомъ качаются...
Вѣтки зеленыя! вѣчно-ли такъ,
Въ дальнемъ грядущемъ, гдѣ думы теряются,
Будете вы, какъ теперь, надъ людьми
Колебать опахала свои?..**

Мадригалъ.

(л. с. я.)

Склоняюсь предъ тобой, какъ робкій богомолецъ,
Рука лилейная, прекрасная безъ колецъ,
И горько сѣтую: какъ поздно наконецъ
Въ тебѣ мнѣ встрѣтился желанный образецъ
Руки, невиданной межъ мраморовъ старинныхъ:
Ни пухлыхъ пальчиковъ, ни ямочекъ рутинныхъ,
Но что за линіи и что за красота!
Гляжу и думаю, любуясь и ревнуя:
Къ кому-же ты прильнешь, въ преграду поцѣлуя,
Ладонью нѣжною на пылкія уста?

Мимо возрастовъ.

Я перешелъ рубежъ весны,
Забывъ довѣрчивые сны
И грезы юности счастливой;
Въ туманы осени дождливой
Вступилъ я вялый и больной,
Проспавши тупо лѣтній зной —
И вотъ ознобъ колотитъ зубы,
А я безъ топлива и шубы.

Иматра.

Во рву, межъ деревьями сада,
Взлетая съ глубокаго дна,
Мелькаетъ хребетъ водопада,
Какъ бѣлыя хлопья руна
Гонимаго бурею стада.

Сѣдая отъ пѣны рѣка
Бѣснуется въ ложѣ гранита,
И бьется въ стальные бока,
И съ ревомъ грохочетъ вѣка
И все еще гнѣвомъ не сыта!

Тамъ стѣны утесовъ черны
Отъ ярыхъ набѣговъ волны —
Отъ плеска пучины мятежной
Въ уступы темницы прибрежной;
Тамъ брызги надъ пѣнной горой
Вззметаютъ вѣнцы и фонтаны,

И млечныя нити порой
Гранитъ выливаетъ изъ раны.

Быстрѣе мельканія думъ,
Быстрѣе мгновенія ока
Летитъ подъ неистовый шумъ
Сто-гривая пѣна потока,
И холодно сосны глядятъ
Въ кипящій внизу водонадъ,
И слушаютъ съ грустью березы
Его вѣковыя угрозы...

Отъѣздъ королевы.

14 августа 1561 г.*).

Бѣгутъ черты береговыя
И тонутъ въ сумракѣ холмы.
Галера зыблется. Марія
Стоитъ недвижно у кормы,
И на борту покоя руки,
Она все длитъ часы разлуки,
Вникая въ сѣрый небосклонъ,
Гдѣ тихій берегъ оттѣненъ
Каймой вечерняго тумана.
Но вдругъ — со злобой урагана
Внезапный вѣтеръ зашумѣлъ
И теплый воздухъ посвѣжѣлъ,
Рябыя волны вздулись въ гнѣвѣ,
И пажъ доноситъ королевѣ,

---

*) Брантомъ велъ журналъ путешествія Маріи Стюартъ.

Что ей для отдыха и сна
Опочивальня убрана.
Но королева не внимаетъ;
На зовъ усиленный, она,
Какъ-бы очнувшись отвѣчаетъ:
„Я лягу здѣсь, вблизи руля...“ —
И молвитъ кормчему съ привѣтомъ:
„Когда французская земля
Еще покажется съ разсвѣтомъ,
Вы потревожьте отдыхъ мой —
Я стану вновь передъ кормой“.

И дулъ недаромъ вѣтеръ ночи:
Восходъ безоблачный блеснулъ,
Уплывшій край еще взглянулъ
Въ ея заплаканныя очи!..

Забвенье ждетъ... все канетъ въ немъ,
Надъ каждымъ тѣнь его витаетъ...
Историкъ бдительнымъ перомъ
Ея дѣла оберегаетъ:
Ея отъѣзда день и годъ
Узнаютъ въ будущемъ народы;
Узнаютъ, долго-ли межъ водъ
И подъ крыломъ какой погоды
Въ пути несла ее волна;
Услугу вспомнятъ рулеваго
Въ часы прощанья роковаго,

И знатной свиты имена,
И этотъ подвигъ идеальный
Ея растроганной души —
Послать *землѣ* привѣтъ прощальный
Въ безсонной утренней тиши.

Другу.

„Кто посѣялъ со слезами—
пожнетъ съ радостью".
Болгарская поговор[ка]

1.

Давно-ли я покинулъ васъ
Въ тяжелый день, въ угрюмый часъ?
Съ какой усталостью во взорѣ
Въ послѣднемъ нашемъ разговорѣ
Роптали вы на свой удѣлъ:

„Не тьма заботъ, не груда дѣлъ
Меня тревожатъ и смущаютъ,—
Мнѣ силы сердца измѣняютъ
И въ усыпленьи стынетъ умъ.
Противенъ мнѣ столицы шумъ,
Ея бездушное приличье
И это прѣсное безличье,

Которымъ славенъ здѣшній людъ.
Смотрите, какъ они снуютъ,
Рабы мишурнаго стремленья,
Толпы больного населенья!
Какой ихъ праздникъ оживитъ?
Какая встрѣча — изумитъ?
И гдѣ тутъ чернь, и гдѣ — особы?
Не всѣ-ль задѣланные гробы
Межъ ними холодно плывутъ?
Какія драмы потрясутъ
Ихъ души, чуждыя тревогѣ?..
Плетясь по избранной дорогѣ,
Ни негодуя, ни любя,
Живетъ здѣсь каждый для себя...
И стынетъ кровь: былая вѣра
Безъ ободренья и примѣра
Тупѣетъ въ сердцѣ молодомъ,
И въ дуновеньи ледяномъ
Цвѣты надежды увядаютъ...
Безслѣдно годы протекаютъ,
А сколько силъ и свѣтлыхъ грезъ
Сюда я нѣкогда принесъ!!..
Пускай иной, не зная боли,
Убьетъ мечомъ желѣзной воли
Порывы сердца — и найдетъ
Призванье, чуждое заботъ,
И обаянье славы громкой:—
Такой безжалостною ломкой

Не всякій можетъ заплатить
За право временно царить
Въ глазахъ толпы неприхотливой...
Есть судъ иной—и судъ правдивый!
Его награда не въ одномъ
Благополучіи земномъ;
Практичный вѣкъ ему не внемлетъ,
Его законъ лѣниво дремлетъ;
Не многимъ страшенъ, какъ топоръ,
Его суровый приговоръ,—
И, право, здѣсь, въ стѣнахъ столицы,
Съ невиннымъ сердцемъ голубицы
Какъ разъ окажешься глупцомъ...
Что дѣлать! Видно, наглецомъ
И аферистомъ въ новомъ родѣ
Я быть безсиленъ по природѣ.
Работать я готовъ и радъ,
Но тяжекъ внутренній разладъ
Безъ облегчающаго вздоха,
А этихъ улицъ суматоха
Мнѣ сколько лѣтъ ужъ не даетъ
Душевный выслушать отчетъ
И свѣрить прошлаго итоги.—
Возню и мелкія тревоги
Желалъ-бы кинуть я на срокъ,
Укрывшись въ тихій уголокъ!
Я каюсь вамъ: мечтой ревнивой
Берегъ я долго мигъ счастливый,

Когда безъ горькаго стыда,
Со славой виднаго труда,
Я могъ-бы, бодрый и довольный,
Подъ небо родины привольной
Отсюда вырваться на югъ,
И въ этотъ радостный досугъ,
Въ обмѣнѣ дружескихъ сужденій,
Набраться новыхъ поощреній...
И вотъ, какъ видите: увы!
Я все у берега Невы
Теряю волосы и годы
И жду привѣтливой погоды...
Ушелъ сейчасъ-бы: да — бѣда!
Грозится издали нужда,—
Совсѣмъ заѣли неудачи...
Теперь—весна... Убогой дачи—
И той не въ правѣ я имѣть;
Да и не хочется смотрѣть
На эти жалкія картины:
Туманъ, безтравныя равнины,
Дождливо-сѣрый небосклонъ
И, можетъ, я предубѣжденъ,—
Но мнѣ мучительно-несносны
Вездѣ чернѣющія сосны...
А самый городъ! Боже мой!—
Отъ передѣлокъ мостовой,
Отъ вѣчно мокрыхъ троттуаровъ,
Мундировъ, вывѣсокъ, швейцаровъ—

О, какъ желалъ-бы я отсель
Бѣжать за тридевять земель!..."

II.

И мы простились... Другъ коварный —
Спѣшилъ я, трижды благодарный,
На Николаевскій вокзалъ,
Гдѣ скорый поѣздъ поджидалъ
Больныхъ искателей свободы.
Чрезъ мигъ—рѣшетчатые своды
Свистокъ прощальный огласилъ—
И паръ вагоны покатилъ.
Не стану вамъ писать отчета
О впечатлѣньяхъ перелета
Отъ Петербурга до Москвы,—
Его не разъ свершали вы.
Скажу лишь вамъ: въ столицѣ древней
Уже повѣяло деревней —
Встрѣчались съ кучей узелковъ
Фигуры смуглыхъ толстяковъ;
У всѣхъ—цвѣтистѣе наряды,
Теплѣе лица, проще взгляды,
И вы, при видѣ москвичей,
Невольно смотрите бодрѣй.
Но дальше, дальше... Воздухъ новый
Сгоняетъ съ сердца мракъ суровый;

Неся на крыльяхъ отъ заботъ,
Машина мчитъ меня впередъ
И ужъ сулитъ изъ отдаленья
Давно желанныя видѣнья.

Какая ночь!—Волшебный мракъ
И запахъ лѣса: вѣрный знакъ,
Что близокъ югъ и скрыто далью
Южанъ томящее печалью
Мерцанье сѣверныхъ ночей...
При свѣтѣ утреннихъ лучей
Открылись степи... Хороши
Онѣ въ простой своей тиши!
Какъ ихъ коверъ пушистъ и зеленъ,
Просторъ — могучъ и безпредѣленъ!
Прохладой нѣжится лицо;
Одно, какъ точка, деревцо
Вдали, кудрявое, чернѣетъ;
А тамъ, какъ парусъ, конь бѣлѣетъ
Иль ниткой тянется обозъ!..
О, вы-бы тронулись до слезъ,
Когда-бъ, нужды покинувъ цѣпи,
Могли опять увидѣть степи!
Все чище, ярче цвѣтъ небесъ...
Привѣтъ тебѣ, знакомый лѣсъ!
Ужъ нѣтъ растительности хвойной:
Сосну смѣняетъ тополь стройный,
И вотъ — раскинулась, видна

Благословенная страна,
Гдѣ наша юность протекала.
Вотъ милый городъ... Ты слетала
Не разъ, далекая мечта,
Ласкать любимыя мѣста!..

III.

Я отдохнулъ.—Въ тѣни акацій
Досугъ студенческихъ вакацій
Я будто снова пережилъ,
И съ вами мысленно дѣлилъ
Отраду новыхъ впечатлѣній.
Какую смѣну наслажденій
Даетъ провинція тому,
Кто кинетъ давящую тьму
И гулъ столичнаго хаоса,
Гдѣ неумолчныя колеса
Гремятъ о вѣчной суетѣ!—
Какъ, долго стиснутый въ бинтѣ,
Зѣваетъ маленькій ребенокъ,
Освободившись отъ пеленокъ,
И хочетъ ручки потянуть—
Такъ радъ бываешь отдохнуть
Въ средѣ затишья и привѣта.
И думалъ я:—зачѣмъ безъ свѣта,

Безъ этихъ рощей и долинъ,
Мы доживаемъ до сѣдинъ
На нашемъ сумрачномъ болотѣ
Въ борьбѣ, лишеньяхъ и работѣ?

Зачѣмъ стремимся мы туда,
Гдѣ гибнутъ силы безъ слѣда?
Здѣсь чище нравы, лучше — люди,
У всѣхъ вольнѣе дышатъ груди,—
Къ чему страдать! Нельзя-ли тутъ
Найти спасительный пріютъ?..

Но, видно, юное похмѣлье
Еще горитъ во мнѣ. Бездѣлье
Не тѣшитъ жизни молодой:
Мнѣ здѣшній тягостенъ застой...
Здѣсь мало бодрыхъ, много спящихъ,
И нѣтъ умовъ руководящихъ.
Легко здѣсь можно пріобрѣсть
Значенье видное, но честь —
Не въ этой славѣ, а въ заслугѣ:
Куда-жъ у васъ, въ обширномъ кругѣ
И силъ, и поприщъ всѣхъ родовъ,—
Возможно болѣе плодовъ
Принесть полезныхъ и отрадныхъ!
Условій много неприглядныхъ
У васъ для сердца и души,—
Зато задачи хороши!..

Въ покоѣ вольномъ, безъ завѣта,
Провелъ я мирный праздникъ лѣта
Подъ лаской радужныхъ лучей,
Среди привѣтливыхъ полей,
Залитыхъ блескомъ изумруда, —
И что-жъ? — Повѣрите-ль? — Отсюда
Опять болѣзненно манитъ
Меня вашъ сѣверный гранитъ!

Силуэтъ.

Ихъ больше нѣтъ! Средь горестей земныхъ
Ихъ близость къ намъ была неоцѣнима,
Но голосъ ихъ умолкъ и шагъ затихъ...
Стоитъ вдали жива, неотразима
Картина дней, когда мы съ ними шли
Путемъ тревогъ къ одной туманной цѣли,
Но всюду мракъ въ той сказочной дали,
Гдѣ взоры ихъ предъ нашими горѣли,
Какъ будто все погибло имъ во слѣдъ
И прошлаго у сердца будто нѣтъ.

Къ чему ихъ помнить? Черствое забвенье
Готовитъ имъ холодный умъ живыхъ;
Напрасное безумно сожалѣнье!
И спитъ любовь, и къ сердцу память ихъ,
Какъ нищій въ домъ, стучится безполезно:
Мы гонимъ прочь назойливыхъ духовъ,

Охваченныхъ таинственною бездной,
Откуда къ намъ неслышно голосовъ...
Но люди есть — пускай они наивны —
Съ той бездною ихъ связи неразрывны.

Тамъ столько лицъ, которыхъ не забыть!
Вотъ силуэтъ исчезнувшей головки...
Когда-бъ съумѣлъ художникъ оживить
Глубокій взоръ, задумчивыя бровки,
И гибкій станъ, и очеркъ юныхъ плечъ —
Съумѣлъ огнемъ естественнаго свѣта
Ея черты потухшія зажечь —
Не мной однимъ была-бъ она воспѣта,
И межъ иныхъ избранницъ красоты
Плѣняли-бъ міръ небесныя черты.

Но есть и въ томъ для скорби упоенье,
Что у судьбы безжалостна рука,
Что свѣтъ не зналъ о нашемъ сокрушеньи
И не видалъ минутнаго цвѣтка;
Что мы таимъ въ безмолвіи ревнивомъ
Любимыхъ жертвъ святыя имена
И что она, подъ сумракомъ дождливымъ,
Безъ громкихъ словъ могилѣ предана;
Что мы ушли отъ насыпи холодной
Съ пустымъ умомъ и съ горестью безплодной.

Зато съ тѣхъ поръ: сгрустнется-ли когда,
Увижу-ль гробъ на улицахъ столицы,
Иль черныхъ дней наступитъ череда
И влага слезъ ожжетъ мои рѣсницы,
Зайду-ли въ храмъ и тихою звѣздой
Во тьмѣ блеснетъ у образа лампада,
Иль вѣчный мракъ мелькнетъ передо мной
Въ тяжелый мигъ душевнаго разлада
И знанье злитъ, а въ сердцѣ вѣры нѣтъ —
Мнѣ грезится туманный силуэтъ.

Май.

Изъ лучшей стороны струясь и прибывая,
Тепло нахлынуло и брызнулъ дождикъ мая:
Какъ дымъ кадильницы, пахучая листва
Деревья зимнія одѣла въ кружева;
На кленахъ—крылышки, сережки—на осинахъ,
Цвѣты на яблоняхъ, цвѣты на луговинахъ,
Цвѣтные зонтики въ аллеяхъ золотыхъ,
Одежды свѣтлыя на торсахъ молодыхъ,
И слабый звонъ пчелы межъ крестиковъ сирени,
И трель пѣвца любви, пѣвца вечерней тѣни—
Плодотвореніе, истома, поцѣлуй—
Очнись, печальный другъ, очнись и не тоскуй!
Но ты не слушаешь... лицо твое уныло,
Какъ будто все, что̀ есть, тебѣ уже не мило,
Какъ будто взоръ очей, для счастья неживой,
Отъ чуждыхъ радостей желалъ бы на покой.
Ты видѣлъ много лѣтъ, ты знаешь эту моду
Весной отогрѣвать прозябшую природу,

Тревожить мирный сонъ ея глубокихъ силъ,
Вздымать могучій сокъ изъ потаенныхъ жилъ
Затѣмъ, дабы, на мигъ убравъ ее показнѣй,—
Разчесться за уборъ цѣной осеннихъ казней...
Ты знаешь и молчишь, и нѣтъ въ очахъ любви.
Ты шепчешь горестно: „гдѣ спутники мои?
Иные отцвѣли, иные опочили:
Мы вмѣстѣ знали жизнь и вмѣстѣ мы любили“.

Пигмей.

Слѣдя кругомъ вседневныя кончины,
Страшусь терять бѣгущій мимо часъ:
Отжившій міръ въ безмолвіи погасъ,
А будущій не вызванъ изъ пучины—
Межъ двухъ ночей мы царствуемъ одни,
Мы, въ полосѣ движенія и свѣта,
Всесильные, пока насъ грѣютъ дни,
Пока для насъ не грянулъ часъ запрета...
И я страшусь за нашъ отвѣтный постъ,
Гдѣ генію возможенъ смѣлый ростъ,
Гдѣ только разъ мы можемъ быть полезны—
И жутко мнѣ надъ краемъ бездны!

Но демонъ есть: онъ весь—лукавый смѣхъ;
Онъ говоритъ, спокойный за успѣхъ:
—„Какъ даръ судьбы, великое—случайно
И генія вѣнчаютъ не за трудъ,

Неправеденъ потомства громкій судъ
И ты, пигмей, сойдешь со сцены тайно.
Порывъ души заносчивый умѣрь,
Войди въ тотъ рай, куда открыта дверь:]
Подъ этимъ солнцемъ видимымъ и яснымъ,
Въ живомъ теплѣ, которымъ дышешь ты,
Владѣй любовью свѣжей красоты—
Цвѣтущимъ тѣломъ, гибкимъ и атласнымъ...
Объѣхавъ міръ, насыть кристаллъ очей
Эффектами закатовъ и восходовъ,
Величьемъ горъ и вольностью морей,
И пестрой вереницею пародовъ...
Порой забавься вымысломъ чужимъ
За книгою, на сценѣ, въ галлереѣ,
Не предаваясь пагубной затѣѣ
Свой умъ и чувство жертвовать другимъ...
Къ земнымъ дарамъ питай въ себѣ охоту:
Люби вино, и шелкъ, и позолоту,
Здоровый сонъ, живую новость дня,
И шумъ толпы, и поздній свѣтъ огня...
Свой вѣкъ продливъ разумнымъ воздержаньемъ,
Ты отпадешь, какъ полновѣсный плодъ,
Не сморщенный до срока увяданьемъ,
Не сорванный разгуломъ непогодъ".

Но, слушая тѣ здравые совѣты,
Задумчиво внимаетъ имъ пигмей:

Претятъ ему доступные предметы,
Манитъ его туманный міръ идей.
Тревожимый упрекомъ потаеннымъ,
Въ невыгодной заботѣ о другихъ—
Идетъ онъ мимо прелестей земныхъ
Съ лицомъ худымъ и гнѣвомъ убѣжденнымъ!
И созданный въ подобіе звѣрямъ,
Въ оковахъ плоти спутанный, какъ сѣтью,
Онъ, не стремясь къ благому долголѣтью,
Идетъ на смерть, служа своимъ мечтамъ...
И если міръ цвѣтущій и прелестный
На полный мракъ имъ гордо обмѣненъ,
Зато во всей могучей поднебесной
Нѣтъ ничего прекраснѣе, чѣмъ онъ!
Нѣтъ ничего священнѣе для взора,
Какъ бѣлые, сухіе черепа
Работниковъ, сошедшихъ безъ укора—
Молись ихъ памяти толпа!

Укоръ.

Часы бѣгутъ съ поспѣшностью обычной
Для жизни праздничной и жизни горемычной,
И каждаго безслѣдный ихъ полетъ
Въ иные дни къ раскаянью зоветъ...

Но безъ борьбы, со вздохомъ незамѣтнымъ,
Мы шлемъ „прости“ мечтамъ своимъ завѣтнымъ;
Теряя жизнь, предъ будущимъ пустымъ
Мы со стыдомъ безпомощно стоимъ.

А какъ подчасъ настойчивы укоры!
Вы помните-ль: на улицѣ глухой,
Подъ ровный шагъ походки дѣловой,
Слѣдили васъ невидимые взоры...

Въ сырую ночь, при блескѣ фонаря,
Въ которомъ газъ отъ вѣтра волновался,

Не злой-ли вихрь въ душѣ у васъ промчался
И лучшихъ дней не вспыхнула-ль заря?

Иль громоздясь стѣной подъ небесами,
Ряды домовъ не жали вашу грудь?
Ихъ мрачный видъ — съ докучными мечтами
Не звалъ-ли васъ разчесться какъ-нибудь?..

Но все-жъ безъ дѣлъ, со вздохомъ незамѣтнымъ,
Мы шлемъ „прости“ мечтамъ своимъ завѣтнымъ,
Мы шлемъ „прости“ встревоженнымъ мечтамъ, —
А злой укоръ все ходитъ по пятамъ...

Тягость.

Грустно! Поникли усталыя руки,
Взоръ опечаленный клонится долу:
Все дорогое, безъ гнѣва и муки,
Хочется въ жертву отдать произволу!

Грустно... Не трогайте сердца больного,
Мимо идите съ участіемъ, други:
Бросить могу я вамъ горькое слово
Жесткою платой за ваши услуги.

Дайте мнѣ, люди, побыть нелюдимымъ,
Дайте уняться невѣдомой боли:
Камнемъ тоска налегла некрушимымъ...
Эхъ, умереть, разрыдаться-бы — что-ли!

И рѣзче все, черствѣй звучитъ недобрый смѣхъ
Утѣшенной попытки разрушенья:
Намъ чуть мерещатся, сквозь длинный рядъ помѣхъ,
Когда-то милыя для сердца заблужденья...
На глыбы черныя роняетъ только свѣтъ
Фонарь, колеблемый рабочимъ утомленнымъ,
Но не скорбитъ задумчивый Гамлетъ
Надъ черепомъ, раскопкой обнаженнымъ:
Подъ костью звонкою, во впадинѣ пустой,
Гуляетъ вѣтеръ шумный и ненастный,
А рядомъ труженикъ сурово-безучастный
Во мракъ спускается опасною тропой...

DOLOROSA.

Въ саду монастыря, цвѣтущую какъ розу —
Я видѣлъ въ траурѣ Мадонну Долорозу.
На бѣлый памятникъ она роняла взоръ;
Густые волосы разъединялъ проборъ,
Теряясь подъ косой, завѣшенной вуалью.
Она дышала вся молитвой и печалью!
На матовой рукѣ, опущенной съ вѣнкомъ,
Кольцо вѣнчальное свѣтилось огонькомъ,
И флеромъ сборчатымъ окутанная шея
Сверкала юностью, сгибаясь и бѣлѣя.

Поученіе.

Оглянись: эти ровные дни,
Это время, безцвѣтное съ виду —
Вѣдь тебя погребаютъ они,
Надъ тобою поютъ панихиду!

Живописный и томный закатъ
Или нà-ночь гасимыя свѣчи —
Неужели тебѣ не твердятъ
Ежедневно прощальныя рѣчи?

Отвѣчай имъ печалью въ лицѣ
Или тихимъ, подавленнымъ вздохомъ:
Не иди мимо думъ о концѣ
Беззаботно-слѣпымъ скоморохомъ.

Но въ уныньи себѣ не готовь
Ни веревки, пи яду, ни бритвы:
Расточай благородную кровь
Подъ ударами жизненной битвы.

Нельзя въ душѣ уврачевать
Ея старинныя печали,
Когда на сердцѣ ихъ печать
Годами слезы выжигали.
Пусть новый смѣхъ звучитъ въ устахъ,
И счастье новое въ чертахъ
Свой алый свѣточъ зарумянитъ —
Для давней скорби мигъ настанетъ:
Она мелькнетъ еще въ умѣ,
Пришлетъ свой ропотъ присмирѣвшій,
Какъ вѣтеръ въ листьяхъ прошумѣвшій,
Какъ звукъ, заплакавшій во тьмѣ...

Стансы.

Зачѣмъ душа моя въ темницѣ?
Зачѣмъ никто въ ней не прочтетъ,
Какъ на развернутой страницѣ,
Что въ ней томится и живетъ?

Пусть духъ сокрытъ отъ взоровъ свѣта,
Но кто-нибудь, но кто-нибудь
Для сostраданья и совѣта
Въ ту бездну долженъ заглянуть!

Предъ нимъ не буду я преступенъ
И онъ проститъ дѣла мои:
Не страшенъ тотъ, кому доступенъ
Глубокій ходъ во тьму души.

Когда плыветъ ночная дума,
Когда мечтамъ ввѣряюсь весь

Во тьмѣ томительной безъ шума —
Я все-бы чувствовалъ: „онъ здѣсь!“

Онъ зналъ-бы трудъ недовершонный
И память прошлаго вскрывалъ
И царство мысли потаенной
Очами бога озиралъ.

И онъ-бы спасъ тотъ міръ чудесный,
Когда въ послѣдній часъ земной
Онъ сталъ-бы стынуть, безъизвѣстный,
Подъ сводомъ кости черепной...

Пѣвица.

ПАМЯТИ КАДМИНОЙ.

Смугла, какъ Руѳь, съ огнистымъ взоромъ
И чистымъ профилемъ камей
Она жила однимъ задоромъ —
Однѣми бурями страстей.
Таился въ ней тотъ голосъ дивный,
Который зà-сердце беретъ
Своею гибкостью отзывной
И дрожью задушевныхъ нотъ.
Но въ нашемъ небѣ мутно-сѣромъ
Зажглась на мигъ ея звѣзда:
Простилась дѝва навсегда
Съ холоднымъ сѣвернымъ партеромъ.
Она укрылась въ той глуши,
Въ той сторонѣ гостепріимной,
Гдѣ чаще грѣетъ пылъ взаимный
Томленье любящей души...

И тамъ разсыпались тѣ звуки —
Богатство груди молодой!
Тамъ, передъ южною толпой,
Пѣвица выплакала муки
Души горячей и больной!
И какъ блестящая природа
Сама казнитъ свои плоды —
Она сама, не ждавъ захода,
Затмила лучъ своей звѣзды!..
Умолкла муза молодая,
Покинувъ кругъ своихъ сестеръ,
Разстроивъ ихъ негромкій хоръ
Среди пустынь родного края!
Въ оградѣ дальней, между плитъ,
Ужъ холмъ невѣдомый забытъ,
Гдѣ скрыта жертва злой отравы —
И нѣтъ на немъ вѣнка отъ славы!

Зато черты ея лица,
Храня значенье образца
Для живописнаго этюда,
Еще намъ памятны покуда:
Въ высокой кичкѣ, въ жемчугахъ,
Въ нарядѣ праздничномъ царицы
И съ гордой смѣлостью въ очахъ
Мы знаемъ всѣ портретъ пѣвицы.
Но имя сглажено подъ нимъ,
Онъ сталъ безвѣстною картиной:

Онъ вслѣдъ за пѣснью лебединой
Артисткѣ сдѣлался чужимъ...

И мимо насъ прошла пѣвица.
Промчался образъ красоты,
Какъ огненосная зарница
Въ застоѣ душной темноты.

У гроба Достоевскаго.

(въ его квартирѣ 30-го января 1881 г.)

Раскрытый гробъ, на двухъ ступеняхъ,
Уже хранитъ священный прахъ
И преклоненнымъ на колѣняхъ
Чело виднѣется въ цвѣтахъ...
Вокругъ столпившіеся тѣсно,
Придя, откуда — неизвѣстно,
Питомцы думъ его стоятъ:
Учитель спитъ... они молчатъ.
Ребенокъ-дочь у изголовья
Съ невинной вѣрой на лицѣ
Пришельцамъ всякаго сословья
Даритъ на память объ отцѣ
Цвѣты съ вѣнковъ его нагробныхъ...
Глубокій миръ въ устахъ незлобныхъ!

*

Но въ комъ найдетъ слова любви
Убогій, падшій, маловѣрный?
Кто имъ, какъ жрецъ нелицемѣрный,
Подыметъ взоры отъ земли?..

Туманный день, больной и хмурой,
Какъ скорбный складъ его ума,
Весь заслоненъ его фигурой...
И жизнь печальна, какъ тюрьма,
Куда вносилъ онъ утѣшенье...
Прими нѣмое поклоненье
За жизнь страданья и заслугъ,
Разбитыхъ душъ любимый другъ!..

Кончина Тургенева.

(22-го августа 1883 г.)

Тургеневъ! Есть-ли имена
Намъ симпатичнѣе по звуку?
И съ нимъ судили времена
Россіи вѣчную разлуку!..
Ударилъ громъ... и много лѣтъ
Мы темной тучи не разгонимъ:
Погасъ нашъ тихій, кроткій свѣтъ —
Мы часть души своей хоронимъ!..
Свободы вождь передовой,
„Изъ стаи славныхъ отсталой“,
Родныхъ кумировъ современникъ —
Онъ былъ для насъ — ихъ слѣдъ живой,
Ихъ кровный, подлинный преемникъ!

* * *

Мы съ дѣтства слушали разсказъ
Его простой, прелестной музы,

И въ нашемъ сердцѣ крѣпли узы
Съ душою свѣтлой, какъ алмазъ...
Когда мы позже были юны,
На праздникъ дѣвственной любви
Его плѣнительныя струны
Намъ пѣсни рая принесли!..
Когда бороться за науку
Рванулись свѣжіе умы —
Онъ новобранцамъ подалъ руку
И разсѣвалъ туманы тьмы...
Онъ далъ впервые проводницу
Бойцамъ проснувшейся страны:
На смѣлый трудъ изъ тишины
Онъ вызвалъ русскую дѣвицу.
И былъ онъ другъ ея мечты,
Души — глубокій познаватель,
Ея стыдливой красоты
Неподражаемый ваятель!
Родное поле, степь и лѣсъ,
Въ цвѣтахъ весны, въ одеждѣ снѣжной,
Подъ всѣми красками небесъ —
Онъ обезсмертилъ кистью нѣжной...
И пѣлъ намъ голосъ дорогой...
Вопросы дня, вопросы міра —
Всему, подъ дивною рукой,
Отвѣтный звукъ давала лира!

* * *

Прощайте: чудное перо,
Насъ одарявшее съ чужбины,
И ненаглядныя сѣдины —
Маститой славы серебро!
Ты къ намъ желалъ на сѣверъ дикій
Укрыться съ юга на покой:
Сойди-же въ грудь земли родной,
Нашъ вѣчно милый и великій!
Здѣсь тишина... здѣсь лучшій другъ —
Здѣсь все товарищи вокругъ...
Сюда придутъ, придутъ безъ счета
Слагать вѣнки на этотъ сводъ,
И чуть отъ церкви, съ поворота,
Къ тебѣ завидятъ узкій ходъ —
Какое нѣжное волненье
Невольно каждый ощутитъ!..
И сколько разъ благословенье
Твою могилу осѣнитъ!

Памятникъ Пушкина.

(день открытія).

Мы тѣнь великаго изъ вѣчности призвали
  Въ безсильи духа намъ помочь,
И образъ памятный, какъ бога, изваяли,
  И звали свѣтъ, и гнали ночь.

Съ вершины каменной, наставникъ величавый,
  Онъ очи мѣдныя раскрылъ—
И сталъ надъ родиной, и въ сѣни златоглавой
  На бдѣнье вѣчное застылъ...

У ногъ его цвѣты, привѣтный гулъ народа,
  Во всѣхъ устахъ сближенія слова —
Свѣти-жъ своей землѣ, какъ вѣра и свобода,
  Курчавая, родная голова!

Учи прекрасному; богатымъ вдохновеньемъ
  Родныя музы окрыляй,
И блескомъ новыхъ славъ — безсмертнымъ населеньемъ
  Россію всюду населяй!

II.

НА УТРѢ ДНЕЙ.

Посвящается А. Ѳ. Кони.

На утрѣ дней.

...И послѣ нихъ на небѣ нѣтъ слѣда,
Какъ отъ любви ребенка безнадежной,
Какъ отъ мечты, которой никогда
Онъ не ввѣрялъ заботамъ дружбы нѣжной.
Лермонтовъ.

I.

Владимiръ выросъ въ тишинѣ
Степей задумчивыхъ и вольныхъ,
Въ прiютѣ, вѣрномъ старинѣ,
Подъ кровомъ тетокъ богомольныхъ.
Въ ихъ уголъ брошенный судьбой,
Съ пяти годовъ осиротѣлый,
Онъ былъ, какъ лучъ въ тѣни лѣсной,
Лучемъ въ ихъ жизни престарѣлой.
Подъ ихъ вечернiй разговоръ
Одинъ безъ сверстниковъ игривыхъ
Любилъ онъ въ даль направить взоръ
Въ обворожительный просторъ

Полей безбрежно-молчаливыхъ.
Онъ зналъ: за крайнею чертой,
Гдѣ гасли степи золотыя,
Цвѣтутъ, шумятъ края иные!..
Но на межѣ, какъ часовой,
Къ чужбинѣ степь свою ревнуя,
Вѣтвистый дубъ сторожевой
Стоялъ, Богъ вѣсть о чемъ горюя...
И онъ дѣлилъ его печаль!
И долго послѣ было жаль
Ему деревьевъ одинокихъ,
Порой встрѣчаемыхъ въ пути:
Близь нихъ прохлады не найти!..
Ихъ тѣнь скудна... Лучей жестокихъ
На долгій срокъ ихъ слабый щитъ
Отъ пришлеца не отвратитъ.

II.

Бывало, въ полѣ необъятномъ
Горитъ вечерняя заря,
Шептаньемъ чуднымъ и невнятнымъ
Съ ребенкомъ дикимъ говоря...
Въ молчаньи чуткомъ и лѣнивомъ
Пѣвучій звонъ гудитъ по нивамъ,
Несясь до ближнихъ деревень...
Жасминъ, шиповникъ и сирень

Цвѣтутъ у паперти церковной...
Тропинкой узенькой и ровной
Священникъ изъ дому бредетъ
И странно тѣнь его растетъ
Подъ солнцемъ, къ западу склоненнымъ.
Порядкомъ, древле заведеннымъ,
Минуетъ служба. Въ лѣтней мглѣ
Ужъ слышны пѣсни на селѣ.
Луну встрѣчаетъ звонкимъ лаемъ
Цѣпная Сѣрка. У воротъ
Сигналъ дозора сторожъ бьетъ,
И вотъ, на сонъ благословляемъ,
Въ постельку бѣлую, какъ снѣгъ,
Спѣшитъ ребенокъ на ночлегъ.

III.

Двѣ старыхъ тетки (обѣ—вдовы),
Пройдя всѣ горести земли,
Въ душѣ невинной берегли
Религiозныя основы.
И мальчикъ вѣрилъ... По утрамъ
Передъ окномъ, гдѣ рѣчка вьется,
Щекой на ручку онъ упрется
И внемлетъ чинно, по главамъ,
Разсказамъ Ветхаго Завѣта.
Въ немъ грѣютъ вѣру волны свѣта,

Который съ яркой высоты
Струитъ на книжные листы.
Онъ ясно видитъ дымъ хаоса,
Дѣленье суши и воды,
Въ раю прекрасные плоды,
Прикосновенье къ нимъ безъ спроса
Ослушной Евы, и чету
Печальныхъ праотцевъ, гонимыхъ
Изъ рая въ міръ, стыдомъ палимыхъ,
Подъ хмѣлемъ скрывшихъ наготу...
И отъ безвѣстнаго начала
Въ воображеньи воскресала
Судьба невиданныхъ временъ:
Отнынѣ все увидитъ онъ!
Онъ самъ отъ божья дуновенья,
А духу нѣтъ конца и тлѣнья...

IV.

Однажды въ раннемъ полуснѣ
Онъ видѣлъ Бога... Въ вышинѣ,
Надъ нимъ простертый, необъятный
И весь изъ нѣжныхъ облаковъ
Ему явился Саваоѳъ...
Вверху звучалъ призывъ невнятный
Подъ самымъ куполомъ небесъ
И край одежды безконечной

Надъ нимъ повисъ каймою млечной...
Онъ — руки вверхъ, но край исчезъ,
Взвилась туманная порфира,
Раскрылась грудь владыки міра...
И въ ней былъ свѣтъ — и въ эту грудь
Ему открылся тайный путь...

V.

Съ тѣхъ поръ жилищемъ безгрѣховныхъ
Ему казался синій сводъ,
И цѣпью праздниковъ церковныхъ
Предъ нимъ развертывался годъ.
Зимой, въ рождественскій сочельникъ,
Дитя постится, какъ отшельникъ,
И ждетъ вечернюю звѣзду...
Темнѣетъ снѣжная равнина;
Окно узорное во льду
Уже дробитъ лучи камина;
Готова поздняя кутья,
Къ обѣду сходится семья;
Въ воспоминанье о Младенцѣ
На сѣнѣ, возлѣ образовъ,
Пшеничный хлѣбъ на полотенцѣ
Лежитъ по правиламъ отцовъ,
И ёлка — свѣтлый символъ чуда —
Всегда невѣдомо откуда

Придетъ, подарками блестя,
Плѣнять смущенное дитя.—

VI.

Великій постъ. Въ тиши дрѣмотной
Сквозь мягкій вѣтеръ иногда
Дохнётъ весна волной залетной
И съ бѣлыхъ крышъ польетъ вода.
Чернѣетъ путь. Навѣсъ балкона
Лучи горячіе пекутъ.
Подъ звуки медленнаго звона
Гуськомъ говѣльщики идутъ.
А въ храмѣ темень и прохлада...
Закрыты царскія вратà;
Предъ желтымъ обликомъ Христа
Мерцаетъ синяя лампада:
Спаситель молитъ о грѣхахъ...
Терновникъ вьется въ волосахъ,
Съ чела струятся капли крови
На скорбно-сдвинутыя брови...
И трауръ въ церкви... Пономарь
Читаетъ долго и уныло;
На мигъ откроется алтарь,—
Бряцаетъ дымное кадило,
Толпа склоняется въ отвѣтъ—
И гаснетъ вновь алтарный свѣтъ

И снова тянутся каноны...
Дитя бодрится, ножки мнетъ,
Усталость грѣшную клянетъ
И погружается въ иконы
Воспламененною мечтой:
Картина вечери святой
Въ немъ будитъ рой воспоминаній
О дняхъ божественныхъ страданій.
Какъ на яву, Ерусалимъ
Волшебно стелется предъ нимъ.
(Въ его названьи гармоничномъ
Онъ видитъ прелесть). Тамъ Христосъ,
Прекрасенъ взорамъ необычнымъ,
Въ кудряхъ распущенныхъ волосъ,
Какъ на холстѣ — въ одеждѣ синей,
Цѣлилъ народъ своей святыней...
Рукой нетлѣнною своей,
Потупивъ мягкія рѣсницы,
Ласкалъ Онъ маленькихъ дѣтей.
О, еслибъ край Его десницы
Въ толпѣ Володю осѣнилъ!
О, еслибъ онъ въ то время жилъ —
Какое-бъ счастье онъ извѣдалъ!
И какъ Христа Іуда предалъ?..
И какъ Пилатъ не защитилъ?..
И съ чувствомъ жалости глубокой,
Съ приливомъ пламенной любви,

Молитвы чистыя свои
Шепталъ ребенокъ одинокій...

VII.

Въ селѣ Запольѣ барскій домъ
Былъ двухъэтажный и обширный,
Пустынный рядъ его хоромъ
Склонялъ къ мечтательности мирной:
Диваны штофные въ чехлахъ,
Обои въ бархатныхъ разводахъ,
Полоски бронзы на коммодахъ,
Цвѣтной узоръ на потолкахъ,
Прохладный залъ съ нѣмымъ рояломъ,
Темно-зеленый кабинетъ,
И въ немъ съ тюрбаномъ и вуалемъ
Забытый бабушки портретъ —
Все пахло пылью давнихъ лѣтъ.
Просторный домъ стоялъ въ уборѣ,
Какъ при владѣтеляхъ былыхъ,
И дальнихъ комнатъ нежилыхъ
Въ немъ не держали на затворѣ.
Старушки сядутъ въ уголкѣ
Одна — съ чулкомъ, другая — съ книгой
И, видя мальчика въ тоскѣ,
Его ушлютъ: „поди, попрыгай!“
И онъ пускается блуждать:

Начнетъ ѣзду изображать,
А тамъ устроитъ остановку—
Ночлегъ, за креслами, въ углу;
Иль наблюдаетъ на полу,
Надъ щелью, божію коровку:
Подъ щелью вѣрно есть провалъ,
Ведущій въ нѣдра подземелья,
И тамъ, быть можетъ (кто видалъ?),
Глухая жизнь полна веселья...
Букашка тянется туда...
А вотъ лицо—въ стѣнномъ узорѣ!
Змѣятся брови, борода,
И злоба страшная во взорѣ:
Не то обманъ, не то портретъ—
Мелькнуло вдругъ и снова—нѣтъ!
Вотъ легкій звукъ: цвѣты въ гостиной
Шумятъ опавшею листвой;
Въ столовой маятникъ старинный
Болтаетъ громко самъ съ собой...
То хлопнетъ дверь и сотрясаясь
Въ буфетѣ чашки загремятъ...
Пройдетъ слуга, остерегаясь,
Какъ будто въ домѣ всюду спятъ...
А чтò съ „мужскою половиной"?
Тамъ спятъ на солнцѣ пауки,
Бильярдъ затянутъ парусиной
И крѣпко пахнутъ чубуки.

И только въ дѣвичей, у пялецъ,
Работницъ слышенъ разговоръ...
Весь этотъ дремлющій просторъ
Обходитъ маленькій скиталецъ.

VIII.

„Ты—мальчикъ бѣдный“, говоритъ
Порой ребенку тетя Вѣра:
„Бѣги грѣховнаго примѣра,
Который бѣдному грозитъ!
Ты знаешь, мы, съ сестрою Анной,
Тебя до времени хранимъ,
Но будешь, птенчикъ нашъ желанный,
Ты намъ далекимъ и чужимъ...
Не твой—не нашъ—дворецъ высокій,
Гдѣ мы кончаемъ наши дни:
Заботы наши вспомяни,
Какъ выйдешь самъ на путь широкій!
И не гнушайся, но люби
Того, кто насъ тебѣ замѣнитъ:
Небесный судъ тебя оцѣнитъ
За чувства добрыя твои“.
Въ отвѣтъ горючая слеза
Изъ глазъ испуганныхъ польется
И мальчикъ, гибкій какъ лоза,
Вокругъ старушки обовьется.

Прижавшись къ теплому плечу,
Дитя молчитъ, не шевелится,
Уставя взоры на свѣчу:
Она въ слезахъ его звѣздится...

IX.

Но и нѣмой двѣ трети года,
Порой, очнувшись наконецъ,
Шумѣлъ Запольевскій дворецъ
Веселымъ говоромъ народа.
Глава наслѣднаго добра,
Старушекъ младшая сестра,
Вдова гвардейца отставного,
Варвара Дмитревна Челкова,
По волѣ мужниной, была
По жизнь — владѣлицей помѣстья;
Но больше въ городѣ жила,
Давая краткія извѣстья,
Что на такое-то число
Съ семьей пожалуетъ въ село.
Въ условный день, кареты цугомъ
Чернѣли точками въ дали.
Въ нихъ подъѣзжали другъ за другомъ
Въ степномъ загарѣ и въ пыли:
Сама хозяйка съ сыновьями —
Ужъ полувзрослыми людьми —

Ея двѣ дочери съ мужьями,
Ихъ двѣ кормилицы съ дѣтьми
И многочисленная свита
Полу-рабовъ, полу-друзей,—
Во дни исчезнувшаго быта
Извѣстныхъ каждому людей.
Предметы новые для взора —
Бездѣлки дамскаго убора
И туалетнаго стола,
Флаконы, гребни, зеркала,
Игрушки, туфли и халаты —
Вносились, клались на мѣста,
И ихъ живая пестрота
Будила сонныя палаты.

X.

Туманъ лежалъ еще кругомъ
Надъ полемъ дѣтскихъ наблюденій.
Пора слѣпыхъ недоумѣній!
Кому онъ въ дѣтствѣ незнакомъ —
Покровъ волшебный и воздушный
Предъ взоромъ мысли простодушной,
Витавшій облакомъ сквознымъ
Надъ всѣмъ, что̀ видимо, земнымъ?
Не смѣлъ нашъ умъ срывать личины
Съ плавучихъ грёзъ... Да и къ чему!

Такъ быстро двигались картины,
Что взоръ скользилъ по ихъ письму
И, проводивъ ихъ въ отдаленье,
Чуть сохранялъ изображенье.
Питомецъ нашъ почти забылъ
Тѣ дни, блаженные незнаньемъ...
Онъ помнилъ свадьбу: предъ вѣнчаньемъ
Червонецъ въ туфлю онъ вложилъ
Своей хорошенькой кузинѣ —
Завѣтъ на счастье милой Нинѣ.
Предъ тѣмъ задолго съ женихомъ,
Гусаромъ тонкимъ и курчавымъ,
Они шушукались вдвоемъ,
И съ состраданіемъ лукавымъ
Надъ ней трунили какъ-то разъ,
Какъ онъ уѣхалъ на Кавказъ...
Володя зналъ: нерѣдко лѣтомъ,
Со связкой писемъ и портретомъ,
Она, раздвинувъ тростники,
Уединялась близъ рѣки,
Въ сквозной тѣни, гдѣ шепчетъ липа
И гдѣ трепещетъ стрекоза,
И на стекло дагерротипа
Роняла томные глаза...
Они женились... Пиръ на славу
Три дня Заполье оглашалъ,
И многолюдный, шумный залъ
Невѣсту плавную, какъ паву,

Хвалилъ и шепотомъ и вслухъ.
Гремѣлъ оркестръ, блистали свѣчи,
Кружились пары легче мухъ,
Мелькали берты, блонды, плечи...
Но все въ туманѣ... Говорятъ,
Сжигали бочки смоляныя,
Мужчинъ качали на подхватъ,
Расшиблись до крови иные,
Ихъ обмывали... Но того —
Дитя не помнитъ. Изъ всего
Остались цѣлы два отрывка:
Кадриль въ столовой, у дверей,
Когда у Груни Каталей
Споролась съ блестками обшивка
Съ косыхъ волановъ... Да еще:
Пустая комната въ проходѣ...
Горѣли свѣчи на коммодѣ...
Стояла Нина — и плечо
Ей цѣловалъ женихъ влюбленный
И руки — выше локотка...
Володя выбѣжалъ смущенный:
„Прелестна женская рука
И любо имъ уединенье!“
Такъ думалъ онъ изъ уголка...
Тѣ думы сгладило забвенье.

XI.

Но время шло. Въ нѣмой тиши,
Въ степномъ уединеньи тетокъ,
Не зналъ Володя ни души:
Гостей не слалъ имъ околотокъ,
Свои не ѣхали домой,
Въ поляхъ стоялъ горючій зной.
Семья сидѣла на террасѣ,
Какъ вдругъ — сѣдѣе серебра,
Въ ограду барскаго двора,
Старикъ вкатился въ тарантасѣ.
Хозяйки тронулись до слезъ:
Изъ дальнихъ мѣстъ знакомый баринъ
Съ собою мальчика привезъ.
„Вотъ другъ тебѣ — Алеша Гаринъ!
Должно, ровесники какъ разъ...
Какой онъ смугленькій у васъ!"
Но внукъ сѣдаго господина
Сперва дичился. Онъ имѣлъ
Глазенки черные грузина
И недовѣрчиво глядѣлъ.
Друзья сошлись однако вскорѣ,
Когда остались на просторѣ.
Блуждая вольною четой,
Одни въ затишьи одичаломъ,
Они успѣли межъ собой

Поговорить о небываломъ,
И оба вѣрили себѣ,
Когда мгновенно, на ходьбѣ,
Игрой фантазіи случайной
Слагали миѳъ необычайный.
Живыми дѣлались тогда
И старый дубъ, и въ небѣ тучи,
И на холмѣ песокъ сыпучій,
И въ лужѣ зыбкая вода...
Такъ легкимъ сномъ прошла недѣля.
Ихъ мысли дружныя сплелись,
Какъ на вѣтвяхъ побѣги хмѣля—
И дѣти снова разошлись.
Но разставались безъ печали:
Когда былъ поданъ тарантасъ,
Кончая прерванный разсказъ,
Они о птицахъ толковали...
Прошло три мѣсяца—и вдругъ
Узналъ Володя: первый другъ
И дѣтскихъ тайнъ его хранитель—
Алеша сталъ „небесный житель“:
Онъ умеръ гдѣ-то вдалекѣ...
Не плакалъ другъ осиротѣлый;
Но въ неизвѣданной тоскѣ
Блуждалъ нѣмой, похолодѣлый,
И все искалъ на небесахъ
Ребенка смуглаго въ кудряхъ...

XII.

Спадало дѣтство, разсѣваясь.
Виднѣй казался божій свѣтъ,
Володѣ было девять лѣтъ.
Онъ часто грезилъ пробуждаясь
И полусонный, на зарѣ,
Тепло укрытый съ головою,
Подъ одѣяломъ, какъ въ норѣ,
Онъ наслаждался полутьмою.
Въ мерцаньи тающихъ тѣней,
Однажды, въ часъ такихъ мечтаній,
Ему изъ мглы воспоминаній,
Явилась Груня Каталей.
Вдругъ сердце въ немъ слегка упало...
Ни разу прежде, сквозь мечты
Видѣнье Груни не всплывало,
Не снились нѣжныя черты...
Онъ видѣлъ сгибъ красивой шеи,
Лучистыхъ глазъ ея привѣтъ,
Нагую руку и браслетъ,
И въ блесткахъ платье, какъ у феи.
Казалось: взорами она
Володю ласково корила
За то, что въ мірѣ лишь одна
Его всѣмъ сердцемъ полюбила,
А онъ, по дѣтской простотѣ,

Блуждалъ такъ долго въ темнотѣ!
И въ незамѣтномъ усыпленьи
Володя внутренно постигъ
На мимолетное мгновенье
Ея чарующій языкъ.
Упала съ глазъ его повязка
И замеръ на губахъ отвѣтъ,
Еще минута... прянулъ свѣтъ—
И уплыла ночная сказка!
Надъ нимъ виднѣлся потолокъ
Съ давно замѣченнымъ изломомъ,
И о волненьи незнакомомъ
Лишь говорилъ румянецъ щекъ.
Исчезла тѣнь его царицы!
Ужъ за окномъ звенѣли птицы
И за стѣною самоваръ
Струилъ призывный свой угаръ.
Володя, нѣжась на постели,
По локоть ручки обнажилъ,
На ихъ покровъ, на змѣйки жилъ
Смотрѣлъ задумчиво, безъ цѣли,
Слегка погладилъ ихъ себѣ,
Довольный жизнью въ нихъ разлитой—
И вскорѣ всталъ, свѣжо умытый,
Готовый къ утренней мольбѣ.

XIII.

Ужъ могъ Володя, внявъ разсудку,
Предвидѣть горестный конецъ:
Для трехъ сочувственныхъ сердецъ
Разлукой пахло не на шутку.
Справляли мальчику бѣлье,
Кроили курточки съ запасомъ
И шубку въ дальнее житье
Подбили стеганнымъ атласомъ.
Все молчаливѣй и нѣжнѣй
Дитя къ наставницамъ ласкалось;
И вдругъ въ забытый край степей
Письмо зловѣщее примчалось.
„Свершаю памятный завѣтъ
Роднаго брата. Въ сельской волѣ
Провелъ Владиміръ много лѣтъ,
Ему пора учиться въ школѣ.
Въ исходѣ нынѣшней весны
По дѣлу ѣдетъ мой пріятель
(Палаты здѣшней засѣдатель)
Въ предѣлы вашей стороны:
Дорога къ вамъ ему знакома —
Съ собой онъ мальчика возьметъ,
И пусть племянникъ не реветъ:
Въ моей семьѣ онъ будетъ дома. —
Какъ я слыхалъ, изнѣженъ онъ,

Воспитанъ вами въ холѣ женской,
Но здѣсь отъ лѣни деревенской
Онъ будетъ скоро исцѣленъ.
И если онъ у васъ толковый,
А я вполнѣ увѣренъ въ томъ,
Пускай на встрѣчу жизни новой
Онъ ѣдетъ храбрымъ молодцомъ;
Во мнѣ-жъ, откинувши сомнѣнье,
Пусть видитъ друга — не врага.
Прошу принять мое почтенье.
Василій Дыминъ, вашъ слуга".

XIV.

И день пришелъ неотразимый!..
Бубенчикъ сиплый подъ дугой
Звенитъ въ степи необозримой;
Дорога тянется змѣей;
Ушли родныя десятины
Съ цвѣтными лентами хлѣбовъ
И хлопья встрѣчныхъ облаковъ
Плывутъ задумчиво съ чужбины...
Владиміръ ловитъ крайній слѣдъ
На вѣкъ покинутыхъ владѣній,
А рядомъ чуждый треволненій
Ужъ тихо спитъ его сосѣдъ.
Играетъ зной по чернозему

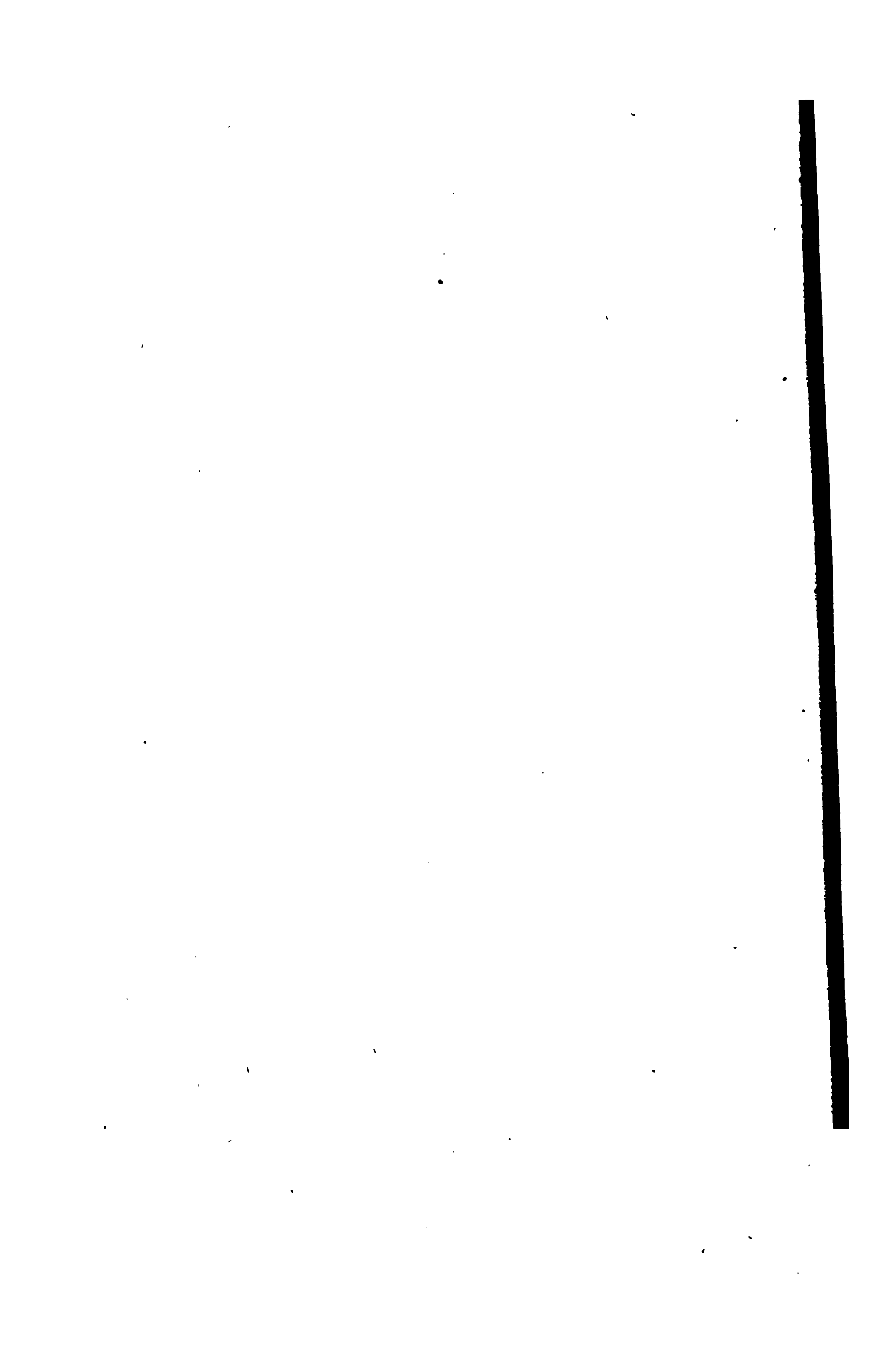
—

Волнистымъ трепетомъ лучей
И, не сводя съ земли очей,
Дитя мечтой стремится къ дому —
Туда, гдѣ имъ въ туманѣ сна
Пора счастливая прожита,
Гдѣ тетя Анна такъ блѣдна,
А тетя Вѣра такъ убита, —
Куда онъ рвется всей душой,
Кляня жестокую разлуку,
И облегчить не можетъ муку
Въ глазахъ изсякнувшей слезой!..
И вотъ уже, взглянувъ обратно,
Онъ видитъ чуждыя мѣста.
О, неужели невозвратно
Всѣхъ близкихъ скрыла темнота?
Бѣжать-бы... прыгнуть на дорогу,
Къ ночнымъ огнямъ поспѣть домой...
Тамъ встрѣтить радость и тревогу,
Влетѣть къ покинутымъ стрѣлой,
И вновь рыдать неудержимо,
И лаской грудь отогрѣвать,
И Бога жарко умолять:
Пускай ударъ несется мимо...
Но, что-жъ затѣмъ? Спасенья нѣтъ!..
То дѣтскій сонъ, безумный бредъ!..
Тогда въ душѣ, съ изнеможеньемъ,
Онъ ощутилъ холодный гнётъ
И то страданье безъ заботъ,

Чтд называется смиреньемъ
Предъ неизбѣжною судьбой—
И онъ поникнулъ головой.

И вамъ пора оставить книгу,
Случайный чтецъ моихъ страницъ.
Я ихъ писалъ, покорный мигу,
Рисуя тѣни милыхъ лицъ.
Имѣлъ я нѣкогда затѣю
Писать большую эпопею,
Но на распутьи въ этотъ разъ
Кончаю прерванный разсказъ
И безъискусственный набросокъ
Благословляю въ добрый путь:
Быть можетъ въ сердцѣ чьемъ нибудь
Онъ встрѣтитъ дружный отголосокъ...

МРАКЪ.

Мракъ.

Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.

Пушкинъ.

ПОЭТЪ.

Изъ долгихъ, долгихъ наблюденій
Я вынесъ горестный урокъ,
Что нѣтъ завидныхъ назначеній
И нѣтъ заманчивыхъ дорогъ.
Въ душѣ—пустыня, въ сердце—холодъ,
И ныньче скучно, какъ вчера,
И мысли давитъ мнѣ хандра
Тяжеловѣсная, какъ молотъ!
Ни развлеченье, ни покой,
Ни встрѣчи съ чернью дѣловитой,
Средь шума жизни городской,
Не служатъ больше мнѣ защитой:

Тоска всесильна надо мной!
Приди, мой геній темнокрылый
Съ печальнымъ взоромъ умныхъ глазъ;
Мнѣ по душѣ твой видъ унылый
И твой таинственный разсказъ.
Ты могъ всегда полунамекомъ
Въ прошедшемъ тускломъ и далекомъ
Нѣмое чувство оживить
И скорбью сердце уязвить.
Своимъ укоромъ ядовитымъ
Оцѣпенѣнье разрѣши:
Мнѣ тяжко жить полуразбитымъ,
Мнѣ гадокъ сонъ моей души!

ДУХЪ.

Видѣлъ я лицо нѣмое
    И потухшій взоръ:
О блаженствѣ, о покоѣ
    Пѣлъ угрюмый хоръ.
Къ небесамъ съ кадильнымъ дымомъ
    Несся вопль сердецъ,
Въ отчужденьи нелюдимомъ
    Почивалъ мертвецъ.
Весь гирляндами украшенъ,
    Но не тотъ, что былъ!—
Онъ для тѣхъ казался страшенъ,
    Кто его любилъ...

Грудь безъ теплаго дыханья,
Безъ лучей глаза:
Что̀ ему—слова̀ прощанья?
Что̀ ему—слеза?..

ПОЭТЪ.

О, помню я!.. Такіе звуки
Давно не трогали мой слухъ:
Живымъ порывомъ горькой муки
Въ тѣ дни кипѣлъ мой юный духъ!
Тѣснили грудь мою рыданья,
Я образъ друга вызывалъ:
Казалось мнѣ,—безъ очертанья
Онъ тихо въ воздухѣ виталъ
И въ душу мнѣ вникалъ глубоко.
Въ церковной мглѣ, среди лампадъ,
Полусмущенъ, я чуялъ взглядъ
Его всевидящаго ока:
Онъ былъ слезамъ и скорби радъ!
„Теперь—я думалъ—онъ измѣритъ
Всю глубину моей любви
И чувства тайныя мои
Судомъ взыскательнымъ повѣритъ!..“
И почему, не знаю самъ,
Мой взоръ тянулся къ небесамъ...
Но тамъ—ни звука, ни намека
Въ отвѣтъ на пламенный порывъ:

Таковъ удѣлъ того, кто живъ...
Безсиленъ гнѣвъ, слова упрека
Безумствомъ были-бъ сочтены!

Съ тѣхъ поръ съ тобою мы дружны,
Мой генiй, небу непокорный:
На всемъ дрожитъ твой профиль черный
И свѣтитъ недовольный взоръ.
На небѣ жизни съ этихъ поръ
Сгустится-ль мракъ, взойдутъ-ли зѳри,—
Ты все поешь: memento mori!
Но странно — вѣрится едва!—
Твои ужасныя слова
Для сердца глохнутъ съ каждымъ годомъ...—
И тамъ, гдѣ надъ могильнымъ сводомъ,
Придя молиться въ горькiй день,
Я сторожилъ родную тѣнь—
Тамъ въ годы зрѣлости холодной
Я далъ взрости травѣ негодной!
И тотъ кладбища свѣжiй садъ
Съ угрюмой надписью у входа,
Гдѣ снился мнѣ видѣнiй рядъ—
Не больше трогаетъ мой взглядъ,
Чѣмъ вся безмолвная природа!..
Я понялъ жизни наготу,
Потерянъ ключъ отъ милыхъ бредней...
Но, вызвавъ старую мечту,
Ты далъ блеснуть слезѣ послѣдней:

агодарю! Ея приливъ
помнилъ мнѣ, что я былъ живъ,
о жить намъ дважды не дается:
еза блеститъ,—она не льется!

ДУХЪ.

ни туманныя, звуки неясные,
разы прошлаго вѣчно-прекрасные,
чно сокрытые мглой отдаленія,—
ганьте изъ мрака въ лучахъ обновленія!

ганьте безъ горечи, свѣтло-нарядные,
жизненномъ обликѣ, сердцу понятные,
шу воздвигните силой цѣлебною,—
игайтесь, образы, цѣпью волшебною!

Тучки лѣтнія дымятся,
Оросивъ кусты;
Ужъ подъ солнцемъ золотятся
Башни и кресты.
Въ небѣ радуги огнистой
Таетъ яркій путь,
Воздухъ ясный и душистый
Тихо нѣжитъ грудь.
Тѣшась шумомъ наводненья,
Звонкій хоръ дѣтей

Сыплетъ листья и каменья
    Въ пѣнистый ручей.
На пескѣ аллеи влажной,
    Гдѣ бѣжалъ потокъ,
Ужъ оставилъ слѣдъ отважный
    Легкій башмачокъ,
И подъ сѣтью обновленной
    Зелени сквозной
Слышенъ грядки орошенной
    Запахъ земляной.
Вотъ и небо засинѣло
    Все—изъ края въ край:
Иль въ душѣ не просвѣтлѣло
    И земля—не рай?

Вдохнулъ-ли ты свѣжительную силу?
Въ подобный мигъ ты прежде сожалѣлъ
Своихъ друзей, опущенныхъ въ могилу,
И къ свѣту дня любовью пламенѣлъ.
Ты повторялъ, мой образъ устраняя:
„Мнѣ жизнь мила! Я жить готовъ, не зная,
Къ чему я здѣсь... Прекрасенъ мой удѣлъ!..“

ПОЭТЪ.

Случалось мнѣ: въ ребяческіе годы,
Обласканный улыбкою природы,

Я вѣровалъ въ несбыточные сны:
То призраки завѣтной старины!
Въ тѣ дни, какъ другъ, со мной шепталась ива
У синихъ водъ весенняго разлива,
И въ свѣжій мракъ задумчивыхъ долинъ
Съ своей мечтой спускался я одинъ
Ввѣрять имъ пылъ неясныхъ ожиданій...
Я не люблю такихъ воспоминаній!
Куда ни глянь: въ безмолвіи лѣсномъ,
Въ рояхъ свѣтилъ на куполѣ ночномъ,
Во всѣхъ углахъ роскошной панорамы—
Вездѣ, вездѣ—покинутые храмы!

ДУХЪ.

Темныхъ призраковъ не стало,
Словно дыма битвъ:
Сердце въ мірѣ отыскало
Образъ для молитвъ!
У желаннаго порога
Робко стынетъ кровь:
То блаженная тревога—
Первая любовь!
И свѣжа, какъ ландышъ мая,
Юностью блестя,
Вотъ стоитъ она, живая,
Грёзъ твоихъ дитя...

И вотъ она съ тобой идетъ въ лѣсную тѣнь,
Гдѣ въ яркой зелени, осыпавъ старый пень,
Бѣлѣютъ звѣздами ромашки,
И шелкъ ея волосъ колеблется едва,
И вѣтеръ утренній ей дышетъ въ рукава
Ея узорчатой рубашки;

Ужъ вашихъ спутниковъ замолкли голоса.
Кругомъ — зеленый мракъ, пахучая роса...
Застигло васъ уединенье...
Признанье вырвалось невольно у тебя,
Ты высказалъ его, робѣя и любя,
Едва сдержавъ свое волненье.

А помнишь-ли ту ночь, когда въ волнахъ рѣки
Померкшей пристани дрожали огоньки
И въ лодкѣ хоръ звучалъ пѣвучій?..
Въ тотъ мигъ она рукой взмутила пѣну струй
И влажныхъ пальчиковъ коснулся поцѣлуй,
Какъ воздухъ нѣжный и летучій.

Иль поздней осенью, при сумракѣ дневномъ,
Предъ затуманеннымъ, обрызганнымъ окномъ
Ты съ ней сидишь, бывало, рядомъ
И, очарованный, не смѣешь ты дохнуть,
Слѣдя какъ движется ея живая грудь
Подъ скромнымъ будничнымъ нарядомъ.

А это первое объятье нѣжныхъ рукъ,
Когда въ твоей груди родного сердца звукъ
Отдался въ трепетномъ біеньи,
И грезились тебѣ: то запахъ темныхъ косъ,
То взглядъ медлительный, понятный какъ вопросъ,
То станъ, такъ близкій на мгновенье!

И рдѣла-ли весна, иль выла пѣсня вьюгъ,
Ненастье-ль тусклое сгущалося вокругъ,
Иль солнце грѣло и струилось,
Звучалъ-ли колоколъ, шумѣлъ-ли разговоръ,—
Всегда лишь ей одной внимали слухъ и взоръ,
И ровнымъ счастьемъ сердце билось.

Ты помнишь-ли тѣ дни?—Согрѣта и полна,
Душа надеждами была окружена,
И крѣпла въ ней живая сила;
Счастливая рука работала легко;
Отъ сердца чистаго все было далеко,
Что совѣсть чуткая клеймила.

И пусть иной робѣлъ предъ сонмами свѣтилъ,
Пускай другихъ пугалъ холодный сонъ могилъ,
Но, чуждый горестнымъ тревогамъ,
Ты не былъ одинокъ средь бездны міровой:
Твой духъ тонулъ въ лучахъ души тебѣ родной,
И свѣтъ любви былъ вашимъ богомъ!..

ПОЭТЪ.

Волшебный духъ воспоминаній,
Печальникъ радостныхъ минутъ,
Не тронь любви очарованій:
Онѣ ушли и не придутъ!
Мнѣ часто снится это время,
Но первый пылъ неуловимъ:
Такъ первымъ отпрыскомъ живымъ
Уже развернутое сѣмя —
Не сблизитъ вновь свои края
И не годится для посѣва;
Такъ въ лѣтней трели соловья
Ужъ нѣтъ весенняго напѣва!
Я иногда гляжу кругомъ
Съ невыразимымъ утомленьемъ
И жадно жду, когда и въ чемъ
Душа спасется обновленьемъ?
Взываю къ памяти — и въ ней
Недосягаемой святыней
Сверкаютъ дни любви моей,
Какъ надъ безжизненной пустыней
Живые яхонты звѣзды;
А дальше — тянутся ряды
Ночей угрюмыхъ, дней убитыхъ
На суетливые труды
И рядъ волненій пережитыхъ,

Влеченій, памятныхъ едва
Иль непонятныхъ, къ изумленью,
Какъ полу-стертыя слова
Въ тетрадяхъ, преданныхъ забвенью...
И мнѣ тѣхъ призраковъ не жаль!
Зато въ душѣ темно и скучно
И сердце къ прошлому беззвучно,
А къ жизни холодно, какъ сталь!
И въ часъ той скорби безутѣшной
(Тебѣ открою мой секретъ)
Въ моей груди больной и грѣшной
О злобѣ дня — заботы нѣтъ!
Тогда — напрасно лицемѣрить —
Ищу съ отчаяньемъ слѣпца:
Кого любить? во что̀ мнѣ вѣрить?
Къ чему трудиться до конца,
Не зная свѣтлыхъ утѣшеній,
Съ тоскливымъ ропотомъ сомнѣній,
Что мы уйдемъ, какъ и пришли —
Плоды случайные земли!..
И эта язва тайно гложетъ
Не только страстнаго пѣвца, —
Она мыслителя тревожитъ
И ранитъ бодраго дѣльца.
Иной, подъ маской скомороха,
Развязенъ съ виду; но приди —
Его раздумье прослѣди:

Не сдержитъ онъ больного вздоха
Въ обезнадеженной груди!

И какъ на родину съ чужбины равнодушной,
Какъ изъ тюремной тьмы на волю и на свѣтъ,
Мечта моя летитъ посланницей воздушной
Къ живому чувству юныхъ лѣтъ!

Туда — гдѣ радостью трепещетъ ожиданье,
Гдѣ струйки алыя такъ жизненны въ крови,
Гдѣ страстнымъ холодомъ подъ сердцемъ содроганье
Зоветъ къ невѣдомой любви...

Гдѣ ночи лунныя горятъ для тихой встрѣчи;
Гдѣ жжетъ пожатье рукъ; гдѣ ровной бѣлизны,
Какъ воскъ и лилія, нетронутыя плечи
Невинной прелести полны...

Тамъ все готовится для праздничнаго пира,
Богатъ и радуженъ тѣлесный нашъ уборъ...
Но вспомнишь — для чего?.. Для чуждыхъ цѣлей міра —
И время грабитъ насъ, какъ воръ!

Пойметъ-ли кто нибудь подавленныя слезы
Убогой старости, когда на скатѣ дней
Предъ свѣжей красотой томительныя грезы
На мигъ пробудятся у ней?

Не стыдно-ль намъ тогда за блеклыя сѣдины,
За кожу мертвую, просящуюся въ гробъ,
За рѣчь неясную, но ясныя морщины,
За мудрый, обнаженный лобъ?

И мракъ въ душѣ... Но вотъ иныя всходятъ цѣли!
Служеніе другимъ—работа на людей:
Мудрецъ беретъ перо, и врачъ идетъ къ постели,
Отецъ раститъ своихъ дѣтей,

О благѣ лучшихъ дней поетъ, вздыхая, лира,
Судья познанья лѣтъ влагаетъ въ приговоръ...
Но вспомнишь—для чего?.. для чуждыхъ цѣлей міра,
А насъ—долой метутъ, какъ соръ!..

И снова грозной тьмы не смѣю я измѣрить,
И снова я ищу съ отчаяньемъ слѣпца:
Кого любить? во что мнѣ вѣрить?
Къ чему трудиться до конца,
Не зная свѣтлыхъ утѣшеній,
Съ тоскливымъ ропотомъ сомнѣній,
Что мы уйдемъ, какъ и пришли —
Плоды случайные земли!..
Угрюмый духъ, волшебный геній!
Спаси, внемли!

*

ДУХЪ.

Ты все излилъ, чѣмъ страждетъ грудь поэта,
А можетъ статься—и моя...
Я вѣчный спутникъ бытія,
Я голосъ тьмы: не знаю свѣта...

ДОВОЛЬНО.

ДОВОЛЬНО.

НА ТУРГЕНЕВСКУЮ ТЭМУ.

I.

„Довольно“, шепталъ я, спускаясь лѣниво
По гладкому скату крутаго обрыва
Къ спокойному лону рѣки;
„Довольно“ сказалъ я въ равнинѣ лѣсистой,
Вдыхая прохладу и запахъ смолистый
И въ думахъ земедливъ шаги;
„Довольно“, рѣшилъ я надъ гладью рѣчною,
Слѣдя за небыстрою, темной волною,
Присѣвъ на зеленомъ бугрѣ;
А рѣчка лилась въ берегахъ одинокихъ
И тихо стволы камышей невысокихъ
Купала въ своемъ серебрѣ...
„Довольно!“ Ужъ некуда больше тянуться,
Довольно метаться, пора бы свернуться
И сердцу велѣть замолчать!

Достаточно тѣшиться нѣгой мечтаній
И чудную въ блескѣ своихъ трепетаній
Всю жизнь красоту догонять.
Извѣдано все—и мой духъ утомился...
И что̀ мнѣ съ того, что такъ ярко разлился
По синему небу закатъ,
Что рядомъ со мною въ кустарникѣ темномъ,
Въ безмолвіи вечера сладкомъ и томномъ,
Волшебныя трели звенятъ:
Поетъ соловей съ несказанною силой,
Какъ будто доселѣ съ восторгомъ о милой
Никто не пѣвалъ никогда!
О, все это было... и будетъ до вѣка
И даже досадно—и жаль человѣка,
И плакать не стоитъ труда.

II.

Эхъ, старымъ я дѣлаюсь! Прежде, бывало,
Укоровъ судьбѣ никогда не звучало
Въ душѣ безмятежной моей—
Въ тѣ дни, когда самъ я зарей разгорался
И счастью привѣтному весь отдавался
И пѣлъ, какъ поетъ соловей.
Я долженъ сознаться: вокругъ потемнѣло
И прежнее пламя души охладѣло
И краски потухли на всемъ,

Погасли лучи животворнаго свѣта,
Которыми прошлое было согрѣто,
Погасли на сердцѣ моемъ—
Иль брежжутъ, но душу не грѣютъ больную—
И вотъ я припомнилъ прогулку ночную
По улицамъ древней Москвы:
Въ забытой часовнѣ мерцала лампада,
Руиной стояла изъ камня ограда
Со всходами сорной травы;
Въ задумчивомъ сумракѣ ночи безлунной
Я сталъ у окна и къ рѣшеткѣ чугунной
Прижался горячимъ лицомъ—
И было въ часовнѣ пустынно и дико,
Лишь строгія губы священнаго лика
Подъ слабымъ лампаднымъ лучомъ
Туманно виднѣлись во тьмѣ непроглядной—
И глухо терялся въ ней свѣточъ лампадный:
Такъ мрачно и въ сердцѣ моемъ!

III.

И это пишу я тебѣ, дорогая,
Изъ грустной пустыни далекаго края,
Тебѣ, мой единственный другъ.
Ты помнишь... ты знаешь, какъ сердце любило.
О горѣ давнишнемъ, что насъ разлучило,
Теперь вспоминать недосугъ.

Тебя я покинулъ — но въ самомъ изгнаньи
Мнѣ грезится прошлое въ чудномъ сіяньи
    И весь я проникнутъ тобой,
И вновь я къ тебѣ ощущаю стремленье,
И слышу я милой руки тяготѣнье
    Надъ скорбной моей головой!
Прошедшее — общая наша утрата!
Не видно надежды и нѣту возврата,
    Но нѣтъ сожалѣнья въ груди —
И чище чѣмъ неба лазурные своды
Тѣ полные радости лучшіе годы,
    Что̀ бросили мы позади:
Видѣнья былаго толпой не тѣснятся,
Спокойно могу я на нихъ любоваться,
    Проходятъ онѣ чередой,
Какъ—помнишь—ѳеоріи въ траурныхъ ризахъ,
Которыхъ замѣтили мы на карнизахъ
    У стѣнъ Ватикана съ тобой.

IV.

Послушай... мнѣ сладко дѣлиться съ тобою,
Задуматься вмѣстѣ надъ жизнью былою,
    Вернуться къ годамъ золотымъ.
Я стану съ тобой говорить, дорогая,
И думать, что ты предо мною живая
    Съ внимательнымъ взоромъ своимъ.

О, чудныя очи! Куда вы глядите?
Въ чью душу вы нынче отраду струите?
О, взоръ, что меня озарялъ —
И свѣтлый, и темный, какъ пѣнно игристый
Источникъ, сокрытый въ долинѣ тѣнистой
Подъ сѣнью задумчивыхъ скалъ!
Послушай...

V.

...То было на вербной недѣли,
Лишь разъ мы съ тобой повидаться успѣли
И я, не гадая о томъ,
Чѣмъ станешь ты въ жизни моей одинокой,
Уже очарованный, въ тайнѣ глубокой,
Носилъ тебя въ сердцѣ своемъ;
И вотъ — я невольно пишу торопливо —
Мнѣ вдругъ переправа припомнилась живо
По вспухшему, синему льду
Одной изъ прославленныхъ рѣкъ на Россіи...
Зимѣ будто близился часъ агоніи,
Снѣгъ таялъ уже по слѣду,
Повсюду вода протекала ручьями,
Неслышные вѣтры бродили струями
Надъ вольной равниной полей;
Въ сплошное сіянье молочнаго свѣта
Нѣмая природа казалась одѣта —
Тумана не видѣлось въ ней,

Но каждый предметъ въ бѣлизнѣ полусонной
Тонулъ, какъ въ обманчивый паръ облеченный,
И все будто млѣло кругомъ.
Оставивъ кибитку вдали за собою,
Я по льду рѣчному невѣрной стопою
Шагалъ въ созерцаньи нѣмомъ
И, кромѣ шаговъ замиравшаго стука,
Другого подъ небомъ не слышалось звука...
Охваченный нѣгой весны,
Я дальше стремился въ слѣпомъ упоеньи
И грезилъ и спрашивалъ я въ изумленьи:
Откуда волшебные сны?
Какая-то радость меня осѣнила,
Она увлекала, она торопила —
Но міръ утопалъ въ тишинѣ...
И вдругъ мнѣ завидѣлось: нитью станицы
Подъ небомъ неслися прилетныя птицы —
И сердце забилось во мнѣ:
„О, здравствуй, весна!“ закричалъ я со страстью,
„Привѣты природѣ и жизни, и счастью —
Привѣтъ благодатной любви!“
И въ то же мгновенье съ невѣдомой силой
Твой образъ разцвѣлъ лучезарный и милый
Въ моей запылавшей крови,—
Разцвѣлъ онъ въ душѣ, будто кактусъ пунцовый,
И стало мнѣ ясно, что къ радости новой
Отнынѣ я призванъ судьбой—

Что я полюбилъ въ этотъ день незабвенный,
Одну лишь тебя полюбилъ во вселенной—
Что весь я наполненъ тобой!

VI.

О, часто я, часто тебя вспоминаю
И много забытыхъ картинъ вызываю
И всюду встрѣчаю тебя.
То вдругъ мнѣ является садъ одичалый
И, свѣтъ разливая задумчиво алый,
Вдали потухаетъ заря.
Недвижна вода на рѣкѣ у парома,
Тесовая крыша господскаго дома
Видна изъ-за темныхъ дубовъ;
Калитка въ заборѣ немного раскрыта,
Какъ будто недавней рукою забыта—
И я поджидаю шаговъ....
Стою и гляжу на траву и песчинки
Заросшей, но милой садовой тропинки
И все затихаетъ кругомъ;
Стою, напряженный и легкій, какъ птица,
Какъ будто готовый въ лазурь устремиться,
Взмахнувъ притаеннымъ крыломъ...
А сердце-то, сердце — горитъ и трепещетъ,
И близкое счастье слетаетъ и блещетъ
Волшебнымъ и ласковымъ сномъ.

VII.

Вотъ въ древнемъ соборѣ ступени амвона...
Намъ слышатся звуки унылаго звона
И шепотъ молитвенныхъ словъ,
Но холодомъ вѣетъ на насъ отъ народа,
Отъ этихъ громадныхъ, подъ арками свода,
Вверху развѣтвленныхъ столбовъ.
А рядомъ со мною ты будто нѣмая
Стоишь безучастная, точно чужая,
И каждая складка виситъ
Недвижно на длинномъ твоемъ одѣяньи,
И стрѣльчатыхъ оконъ цвѣтное сіянье
Блистаетъ на мраморѣ плитъ.
Но вотъ — потрясая струи ѳиміама,
Какъ громъ, прокатились подъ куполы храма
Органные звуки волной...
Ты вдругъ поблѣднѣла и станъ разогнула
И взоромъ по мнѣ торопливо скользнула,
Стремясь къ вышинѣ голубой—
И мнѣ показалось, что чудная сила,
Которая взоры твои освѣтила,
Зовется безсмертной душой...

VIII.

А вотъ и другая картина мелькаетъ:
Не храмъ позолоченный насъ подавляетъ
Величіемъ строгимъ своимъ —
Въ уютную комнату тихо укрывшись,
Отъ цѣлаго міра съ тобой отдѣлившись,
Мы дружно за книгой сидимъ.
Да, въ цѣлой вселенной одни мы съ тобою.
Да чтò говорю я! За этой стѣною —
И смерть, и пустыня, и тьма:
Не вѣтеръ тамъ воетъ, не дождикъ струится,
То Хàосъ печальный рыдаетъ и злится
И ночь негодуетъ сама,
А намъ — и тепло, и свѣтло, и привѣтно,
И дѣтская радость легко, незамѣтно
Какъ будто порхаетъ вокругъ.
Къ моей головѣ ты вискомъ прислонилась
И взорами въ книгу мою погрузилась,
И бьются, мнѣ слышныя вдругъ,
Такъ явственно жилки твои голубыя;
Въ затишьи блаженномъ сердца молодыя
Согласно и ровно стучатъ;
Лицо мое раньше улыбку рождаетъ,
Чѣмъ смѣхъ по устамъ у тебя пробѣгаетъ,
И взглядъ отвѣчаетъ на взглядъ.

Взамѣну рѣчей и вопросовъ ненужныхъ;
Сливаются мысли въ мечтаніяхъ дружныхъ,
    Смѣшали дыханье уста—
И вотъ ужъ послѣднія пали преграды—
И сердце не требуетъ бо́льшей отрады,
    И дальше не рвется мечта!

IX.

Иль помнишь—осенняго утра прохладу
И нашу прогулку по старому саду
    Съ забытымъ дворцомъ въ глубинѣ?
Средь зелени темной дорожки пустыя
И близкой рѣки берега отложные,
    И свѣтъ въ голубой вышинѣ?
О, какъ передать это счастье нѣмое,
И радость, и нѣгу въ безлюдномъ покоѣ,—
    Намъ чуждаго города видъ,—
Въ окрестной природѣ блистанье отрады,
И тихія думы, и долгіе взгляды,
    Которыхъ ничто не мутитъ!..
Вотъ—стаями галки на небѣ роятся
И съ крикомъ осеннимъ на вѣтки садятся,
    Вотъ слышится лай вдалекѣ,
Вонъ видно, какъ въ полѣ солдатъ обучаютъ,

Беззвучныя лодки вблизи проплывають
    По гладкой и свѣтлой рѣкѣ.
А помнишь скамейку, гдѣ мы отдыхали
И головы тихо въ раздумьи склоняли—
    Во вѣкъ мнѣ ее не забыть!
Какъ выразить тѣ золотыя мгновенья!
Ничтожны слова и безсильны сравненья—
    Къ чему же о нихъ говорить?
Мы знали, что лучшихъ мгновеній не будетъ—
И правда: довольно!.. Все кончено... Будетъ!
    Довольно... и не зачѣмъ жить.

X.

Я съ грустью къ видѣньямъ роднымъ обращаюсь
И съ ними отнынѣ на вѣки прощаюсь—
    Такъ точно надъ кладомъ скупой
Дрожитъ и любуется золотомъ милымъ
И съ нимъ разставаясь, въ молчаньи унылом,
    Его засыпаетъ землей;
Такъ точно фитиль истощенной лампады,
Встрѣчая повсюду горѣнью преграды,
    Сверкаетъ послѣднимъ лучомъ—
И гаснетъ, скрываяся въ пеплѣ холодномъ;
Такъ точно, печалясь о лѣтѣ свободномъ,
    Звѣрекъ выползаетъ тайкомъ

Изъ маленькой норки и смотритъ на воды,
На солнце и травку, на синіе своды
    Предъ долгимъ и тягостнымъ сномъ, —
Взглянулъ — и свернулся и въ норку забился...
О, еслибъ ему хоть однажды приснился
    Тотъ лугъ, озаренный лучомъ!

ОБРУЧЕННЫЕ.

Обрученные.

Изъ „хроники происшествій“.

„Сильна любовь, какъ смерть!“
Пѣснь пѣсней. VIII. 6.

I.

Здѣсь тихая смерть обитаетъ въ покояхъ,
И двери для всѣхъ отперты:
Невѣста лежитъ въ гіацинтахъ, левкояхъ—
Съ улыбкой остыли черты.

Въ тѣни соболиныхъ рѣсницъ утопая,
Сквозятъ голубые глаза,
И кажется, будто въ селеніяхъ рая
Имъ снится небесъ бирюза,

Иль грезится тишь въ голубомъ океанѣ
И свѣтъ незакатныхъ лучей...
А колоколъ плачетъ въ надземномъ туманѣ
Невнятной печалью людей...

И стрѣлка часовъ, пробѣгая по кругу,
Ведя утомительный счетъ,
Предѣлъ назначаетъ трудамъ и досугу,
И горю, и счастью черёдъ.

И гдѣ-то въ углу пріунывшаго дома
Украдкой посудой гремятъ:
Рыдавшихъ постигла нѣмая истома—
Ихъ слабость друзья сторожатъ.

Но съ холодомъ въ членахъ и съ жаромъ въ зѣницахъ
Глядятъ они тупо вокругъ,
Взаимно читая въ потерянныхъ лицахъ
Невольный предъ жизнью испугъ.

Имъ странны движенья прислуги несмѣлой,
Случайные звуки рѣчей,
Постылыя яства на скатерти бѣлой,
На утвари—отблескъ лучей...

И всѣмъ, точно призракъ, осилившій зрѣнье,
Мерещится въ саванѣ та,
Кто здѣсь, за стѣною вкусивъ усыпленье.
Исчезла, какъ въ небѣ мечта...

Житейское море въ немолчныхъ прибояхъ
Сюда не домчитъ суеты:
Здѣсь тихая смерть обитаетъ въ покояхъ,
Здѣсь вянутъ на гробѣ цвѣты.

II.

Іевскій въ этотъ день, какъ и въ другіе дни,
.ѣлъ прохожими на солнцѣ и въ тѣни,
акже, въ двѣ рѣки, тянулись экипажи
къ стеколъ, блещущихъ соблазнами продажи,
разноцвѣтные, но блѣдные дома
,ъ небомъ высились, какъ ровная кайма,
башня думская подобно часовому
щала холодно движенію дневному...
та же вѣчная живая суета
'отъ же вольный видъ съ Аничкова моста
уходящіе наклоны перспективы:
ілеры стройныя такъ горды и красивы!
ъ нихъ чернѣетъ людъ на гладкомъ полотнѣ—
ымъ рисуется въ далекой глубинѣ,
ь подъ косымъ дождемъ, подъ нитью телефона,
иралтейскій шпиль на дымкѣ небосклона.—
женье улицы пришло теперь въ разгаръ:
ылъ торцовый путь, покрылся троттуаръ,
ьки скучились на лѣстницѣ пассажа,
ередъ лавочкой подвальнаго этажа
цой прохожіе сгибались у витринъ,
блещутъ образы пѣвицъ и балеринъ
ъ тусклыхъ копіяхъ желтѣютъ наши славы...
этчикъ предлагалъ послѣдніе уставы,
илъ вамъ выигрышъ съ обманчивыхъ таблицъ..

Мелькали профили, пестрѣли сотни лицъ:
Курсистка съ книжкою и съ думою суровой;
Кокотка смуглая подъ шляпкою пунцовой,
Въ боа закутана—два обруча въ ушахъ;
Убогій инвалидъ привсталъ на костыляхъ
Предъ сочной выставкой съѣстнаго магазина;
На дрожкахъ трепетныхъ стремглавъ летѣлъ мужчина,
Обнявшись съ дамою; въ каретѣ биржевикъ
Качался выбритый, откормленный, какъ быкъ;
Артельщики несли золоченные стулья,
Изъ конокъ публика валила, какъ изъ улья,
Сходя предъ линіей гостинаго двора;
Надъ уровнемъ толпы носились кучера;
Лакей посланника проплылъ съ своимъ плюмажемъ,
Съ портфелемъ—адвокатъ... но всѣхъ не перескажемъ.

И передъ улицей, гдѣ, словно межъ кулисъ,
Видѣнья шумныя, вседневныя неслись,
Печальный юноша застылъ въ оцѣпенѣньи...
Онъ дрогнулъ и блѣднѣлъ въ глубокомъ отчужденьи
Отъ этихъ образовъ, мелькавшихъ передъ нимъ,
Случайныхъ, суетныхъ, удушливыхъ, какъ дымъ!

Онъ былъ здѣсь, правда, не у мѣста
Съ своей печалью гробовой:
Уснула тихо предъ зарей
Послѣднимъ сномъ его невѣста...
Онъ видѣлъ смерти бѣлый взглядъ,

И грозной тѣни близкій ядъ
Его мутилъ... Страшна потеря
Любимой, избранной души:
Насъ гложетъ скорбь тогда въ тиши
И мы безпомощнѣе звѣря!..
Вокругъ — мы видимъ суету,
А въ глубь души бросая взоры,
Въ себѣ встрѣчаемъ темноту —
И въ ней мятемся безъ опоры!
И вотъ, охваченный толпой,
Онъ думалъ — съ болью и тоской:

„Круженье лицъ, и гулъ, и топотъ,
Дневной тревоги бѣготня —
И никому неслышный ропотъ,
Грызущій сердце у меня!..
О, жизни горестная сказка
И пестрый, безпокойный бредъ!
Ужели лёгкая повязка
Меня спасала столько лѣтъ,
И за толпой, въ цѣпи единой,
Я шелъ на пиршествѣ земномъ,
Считая стройною картиной
Одинъ безсмысленный содомъ?!..
Круженье лицъ, и гулъ, и топотъ,
Дневной тревоги бѣготня —
И никому неслышный ропотъ,
Грызущій сердце у меня!..“

III.

Въ тревогѣ мрачной и безумной,
Съ лицомъ потерянно-больнымъ
Онъ убѣжалъ съ дороги шумной
Въ другія улицы. За нимъ
Движенье стихло. Видъ канала
Съ его безшумной пестротой
Раскрылся длинною дугой,
И груда зданій обступала
Изгибы ленты водяной.
Онъ шелъ, потупя взоръ недвижный...
Предъ нимъ тянулся путь булыжный,
Покрытый грязью, и на немъ
Встрѣчались вдругъ: то клокъ соломы,
То слѣдъ муки, или несомый
Въ круженьи вихря ледяномъ
Газетный листъ, иль голубь сизый,
Сбиравшій зерна на пути,
Чтобъ ихъ подругѣ унести
На недоступные карнизы,—
И эти пятна, брызги дня
Его пугали, какъ видѣнья,
Едва доступнаго значенья,
Изъ свѣтлой бездны бытія.
Въ умѣ, смущенномъ до затмѣнья,
Несчастный думалъ: „гдѣ отвѣтъ?

Зачѣмъ онъ свѣтитъ — этотъ свѣтъ?..
Теперь ты въ гробѣ стынешь, стынешь!
Ужели мнѣ, хоть я живой,
Завѣсу тайны роковой
Ты на мгновенье не раздвинешь?..“
И онъ прислушался... Но вдругъ,
Очами обведя вокругъ,
Онъ сдвинулъ дрогнувшія брови—
И зарыдалъ. Стѣснилась грудь,
И долго силилась вздохнуть—
И грѣлась подъ наплывомъ крови...

IV.

озь росу туманную смоченныхъ рѣсницъ
ıе сердцу кажется горе безъ границъ.
ь и Маня прежняя, какъ живой портретъ,
ятъ, улыбается, шлетъ ему привѣтъ.
эмнилось, какъ, рѣзвая, вмигъ она могла
'нать задумчивость отъ его чела:
єтъ съ нимъ подъ лампою, книгой шелеститъ,
ıнѣ словомъ ласковымъ друга подаритъ
укой дотронется до его руки—
сердцемъ чувствуютъ, какъ они близки!
:ройдетъ по комнатѣ — очи ей вослѣдъ
утся, любуются, какъ дитя на свѣтъ!..
оется — и кажется, что за нею вдругъ
зни обрывается лучезарный кругъ.

V.

И припомнилась ночь: онъ не спалъ до разсвѣта.
Опьянялъ его кровь неизвѣданный пылъ:
Грудь не знала доселѣ на ласку отвѣта,
Никому онъ объятій своихъ не раскрылъ.

Съ одинокаго ложа онъ бредилъ о Манѣ;
Знойныхъ мыслей его обдавала волна
И казалось ему: въ предразсвѣтномъ туманѣ
Цѣломудренной тѣнью являлась она.

Онъ молилъ у ней страсти, еще не испитой,
Онъ угадывалъ тайны ея красоты—
И слѣпили его бѣлизной непокрытой
Очертанья, представшія взору мечты...

Онъ боялся несбыточной грезы блаженства
И придерживалъ сердце горячей рукой,
Но попрежнему въ чистыхъ лучахъ совершенства
Нѣжный мраморъ сіялъ передъ нимъ, какъ живой.

А при встрѣчѣ дневной, пожимая ей руку,
Онъ блаженно внималъ обыденнымъ рѣчамъ,
Вспоминалъ съ упоеньемъ безсонную муку
И застѣнчиво вѣрилъ несбыточнымъ снамъ!..

VI.

Но эти сны остались снами!
И трауръ складками повисъ
Надъ всей землей, надъ небесами,
На всемъ, куда ни оглянись!
Туча длинная лежитъ на небосклонѣ
Печальной, тихою чертой,
Церковь бѣлая съ молитвой на фронтонѣ
Гласитъ о вѣчности нѣмой!..
…а глядятъ на жизнь, въ тоскливомъ отчужденьи,
Изъ оконъ, словно изъ очей,
Каждый шумъ колесъ, смолкая въ отдаленьи,
Гудитъ задумчиво о ней!..

VII.

Сегодня утромъ — неужели
Онъ это видѣлъ не во снѣ! —
Одинъ, въ ужасной тишинѣ,
Къ ея покинутой постели
Онъ приближался: здѣсь она
Была недугомъ сожжена,
Ее сейчасъ отсюда взяли...
Какимъ безмолвіемъ печали
Казалась комната полна!

Завѣса сорвана съ окна
И впущенъ свѣтъ; подушки стынутъ,
И край кровати отодвинутъ
Въ минуты первой суеты
Отъ голой стѣнки; на комодѣ,
Смѣшавъ бумажные хвосты,
Рецепты шепчутъ на свободѣ
О темной мудрости врачей...
Онъ думалъ: все открылось ей!
Съ улыбкой горечи, презрѣнья,
А можетъ — высшаго прощенья,
Уснувъ подъ маской ледяной,
Она забыла міръ земной —
И отдала свое дыханье!
Но чьей — безвинное созданье —
Ты чьей замучена рукой?!..
Когда нѣмую потревожа,
Ее поднять хотѣли съ ложа,
Зачѣмъ у ней, какъ у живой,
Коса разсыпалась волной?..
И голова зачѣмъ повисла
Съ какой-то грустью безъ конца?..
Зачѣмъ тѣ образы безъ смысла
Терзаютъ близкія сердца?..
А онъ, пылавшій къ ней душою,
Зачѣмъ онъ Маню увидалъ
Сквозь дверь, отворенную въ залъ,
Когда подъ чистой пеленою,

Какъ платье бальное въ чехлѣ,
Она лежала на столѣ,—
И вся омытая, нагая,
Уйдя въ покровы съ головой,
Ждала одежды гробовой!..
Что испыталъ онъ, замирая
Предъ очертаніемъ сквознымъ,
Мелькнувшимъ смутно передъ нимъ?—
И стыдъ, и горе—и проклятья
За разлученныя объятья!!.

VIII.

все блуждалъ безъ цѣли предъ собой,
жаждалъ тайнъ, живому неоткрытыхъ...
'склый день безцвѣтною волной
спадалъ въ пучину дней забытыхъ!
отъ день, казалось, уходилъ
Ганей вслѣдъ съ гудѣніемъ и звономъ,
темный путь огнями бороздилъ
миралъ надъ шумнымъ Вавилономъ...
роходилъ невѣдомый народъ,
-бы топчась въ довольствѣ безсердечномъ
гой землѣ, куда она сойдетъ,
ихъ стопы — въ нарядѣ подвѣнечномъ!..
па въ театръ, кареты къ площадямъ
плыли двуглазыми огнями—

И онъ унесся робкими мечтами
Подъ своды залъ, гдѣ выглянутъ изъ рамъ
Видѣнья сцены... Въ тихомъ созерцаньи
Замретъ толпа — и дружный грянетъ смѣхъ,
И трепетомъ обдастъ рукоплесканье
Избранника, вкусившаго успѣхъ...
У юноши къ порхающей богинѣ
Задорной страсти вспыхнетъ огонекъ,
И будутъ спать, какъ прежде, въ паутинѣ
Любимцы музъ, вѣнчая потолокъ
Подъ пыльной люстрой въ грязныхъ медальонахъ
Тотъ пантеонъ любимыхъ русскихъ лицъ —
Онъ зналъ его: въ пѣвучихъ перезвонахъ
Ихъ голоса изъ дремлющихъ гробницъ
Къ нему дошли съ прославленныхъ страницъ...
Но въ этотъ мигъ никто, никто на свѣтѣ
Въ его душѣ не разогналъ бы тьмы!
Онъ холодно подумалъ о поэтѣ
И развѣнчалъ великіе умы.
Онъ былъ одинъ! Его душило горе,
Какъ будто въ ноздри хлынула волна—
Исчезли звуки, лица, времена,
И смерть мелькнула въ помутнѣломъ взорѣ,—
И въ эту смерть звала его она!..
Какъ могъ онъ ждать на сердцѣ перемѣны?
Зачѣмъ бѣжалъ? Чего добился онъ?
Скорѣй, скорѣй въ покинутыя стѣны:
Она вѣдь тамъ, и прошлое—не сонъ...

уста не могутъ дать отвѣтовъ,
свѣтитъ мысль подъ мраморомъ чела;
слѣдъ ея судьба не замела:
го есть жизнь, когда въ ряду предметовъ
ь еще, какъ статуя, цѣла,—
димая рукою разрушенья—
самая, доступная для зрѣнья!..

IX.

Онъ жадно бросился назадъ,
Туда, гдѣ зала со свѣчами
За омраченными домами
Въ себѣ таила страшный кладъ...
Предъ нимъ смѣнялись повороты,
Смѣнялись улицы съ толпой,
И полный горестной заботы
Онъ уходилъ, кончая счеты
Съ постылой сердцу суетой.
Но жизнь плыла ему навстрѣчу
И онъ входилъ въ нее опять,
Какъ входятъ раненые въ сѣчу,
Еще не смѣя отдыхать...
Къ лицу ласкался воздухъ свѣжій
И сыпалъ дождикъ съ вышины;
Мелькнувшій подъ-носомъ проѣзжій
Ему кивнулъ со стороны;

Рванулся вѣтеръ съ перекрестка
И тѣни хлынули крестомъ
Отъ фонаря на бѣлый домъ,
И на ручьѣ зардѣла блестка
Предъ поколебленнымъ огнемъ...
И въ этомъ трепетѣ стихіи
Онъ слышалъ звукъ, себѣ родной,
И плачъ надъ жизнью молодой
„Новопреставленной Маріи!..“
Воздушнѣй утренняго сна,
Казалось, призракомъ она
Его въ пути опережала,—
Вдали садилась — отлетала,
Неуловима и блѣдна—
И къ дому скорби призывала!..
И онъ спѣшилъ за ней туда
Съ невольнымъ, робкимъ содроганьемъ,
Какъ передъ горестнымъ свиданьемъ
Или разлукой навсегда.

X.

Раскрылся тихій рядъ строеній—
И сердце дрогнуло въ груди:
Онъ домъ завидѣлъ впереди,
Гдѣ Маня дремлетъ безъ мученій...
Была, какъ прежде, холодна

Его громадная стѣна,
Темнѣли выступы, балконы,
Зажглись въ подъѣздахъ фонари—
Какъ будто въ немъ живые стоны
Не раздавались до зари...
Исчезла жизнь—и жизнь пируетъ,
И суетится, и торгуетъ,
И вотъ зачѣмъ-то въ ближній домъ,
Должно быть въ лавку мелочную,
Спѣшитъ служанка подъ платкомъ,
Перебѣгая мостовую...
Ночныя тѣни, шумъ дождя,
Очей и слуха впечатлѣнья
И думъ сосущая змѣя—
О, еслибъ грянулъ часъ забвенья!..
И вдругъ—раздумье: тайный страхъ
Ему въ чудовищныхъ чертахъ
Представилъ смерть—и въ передрягѣ,
Придя къ подъѣзду подъ навѣсъ,
Онъ замеръ на послѣднемъ шагѣ—
Въ него вцѣпился жизни бѣсъ...
Но онъ вошелъ: предъ нимъ ступени
Бѣгутъ зубцами сѣрыхъ плитъ
И свѣтъ огня на нихъ дрожитъ...
Слабѣютъ робкія колѣни...
Площадка... двѣ... и поворотъ,
И сердце прыгаетъ—и вотъ
Нѣмыя двери безъ затвора...

*

Онъ ихъ открылъ съ боязнью вора...
Въ передней пусто... тишина...
За щелью—свѣчи... и—она!..

XI.

О, какъ она мила, нетронутая тлѣньемъ,
Какъ просіялъ потухшій ликъ
Тѣмъ горестнымъ и сладкимъ умиленьемъ,
Котораго не выразитъ языкъ!..
И слезы жаркія, какихъ не знали очи,
И плачъ раскаянья онъ пролилъ на нее
За содроганіе свое
Передъ пустыней вѣчной ночи...
Теперь въ немъ робости ужъ нѣтъ—
Теперь не можетъ быть разлуки!
И къ гробу подойдя, какъ бы творя обѣтъ,
Онъ рознялъ ей безпомощныя руки
И палъ межъ нихъ къ покойницѣ на грудь,
Чтобъ въ сердцѣ мертвомъ утонуть
Душой, надорванной отъ муки!..

Пускай померкло все кругомъ—
Ему легко, легко, какъ въ дѣтствѣ,
Среди цвѣтовъ, въ ея сосѣдствѣ,
Съ слезой, бѣгущею ручьемъ...

въ тихой, опьяняющей дремотѣ
ъ будто чуялъ къ смерти переходъ,
ъ созерцалъ въ всемiрномъ оборотѣ
Ея неслышимый полетъ:
едъ нимъ носились желтыя дубравы
восковые облики дѣтей,
звалины потухшихъ алтарей
пѣсенъ умолкающихъ октавы,
тѣни лицъ, и образы временъ,
меркшихъ и развѣянныхъ, какъ сонъ —
вслѣдъ всему, что кануло въ забвенье,
ывало позднее людское сожалѣнье!..

онъ желалъ въ забвенiе отбыть
въ слѣпотѣ подъ выстрѣломъ минутнымъ —
ъ жаждалъ съ ней свою кончину слить.
Прельщенный ожиданьемъ смутнымъ
весь бредъ узнать и пережить:
ъ думалъ въ ней найти себѣ отраву,
Похитить ядъ у ней въ крови —
Соединиться съ ней по праву
Нерасторгаемой любви!..

И онъ привсталъ, очнулся сразу,
На ткани трупа бросилъ взоръ —
На этотъ дѣвственный фарфоръ,
Таившiй темную заразу —

И онъ узналъ — узналъ неотразимо
Все, чтó любилъ онъ у живой:
Особый складъ руки, поникшей недвижимо
Въ своей обтяжкѣ восковой,
И очертанья формъ, прекрасныхъ и невинныхъ,
И волны мягкія волосъ,
И линіи бровей задумчивыхъ и длинныхъ,
И блѣдныхъ устъ ея вопросъ...
Его тянуло къ ней... Въ умѣ чередовались
Два близкихъ образа — бездушный и живой —
И, наконецъ, они смѣшались,
Какъ тѣни въ тучѣ грозовой...
Душа — ея душа! — была подъ этимъ прахомъ —
И еслибъ тлѣніе, кощунствуя надъ нимъ,
Его пришло разсѣять въ дымъ
Или смести послѣднимъ взмахомъ —
Онъ въ немъ бы съ радостью исчезъ...
Святыня мрака и чудесъ
Въ него такъ вкрадчиво глядѣла
Сквозь нѣжный ликъ нѣмого тѣла,
Что, власть надъ сердцемъ потерявъ,
Онъ въ тишинѣ благоговѣйной
У мертвой отвернулъ рукавъ
И ранилъ верхъ руки лилейной,
И тѣмъ же лезвіемъ стальнымъ,
Влекомый чувствомъ роковымъ,
Онъ сдѣлалъ вмигъ порѣзъ глубокой,
Въ рукѣ безтрепетной своей:

И такъ онъ втайнѣ слился съ ней,
Бѣжавъ отъ жизни одинокой...

. . . .

Онъ все лежалъ къ стѣнѣ лицомъ,
Дыша прерывисто и шумно.
Глаза, раскрытые безумно,
Уже мутились предъ концомъ.
Ихъ взоръ сухой и воспаленный
Въ защиту мысли угнетенной
Мольбой и страхомъ не сверкалъ:
Онъ равнодушно умиралъ...

И пѣснь смолкаетъ у порога,
Гдѣ вѣковая тишина,
Гдѣ жизни мелкая волна
Опять впадаетъ въ лоно Бога.

III.

АЛЬФРЕДЪ МЮССЕ.

Друзья мои! Когда умру я,
Взростите иву надо мной;
Печальный видъ ея люблю я
Съ поникшей, блѣдною листвой;
И надъ могилой тихо дремля,
Своею тѣнью пегустой
Не отягчитъ она ту землю,
Гдѣ вѣчный ждетъ меня покой.

Декабрьская ночь.

ПОЭТЪ.

Однажды, полночью, тайкомъ
Читалъ я въ дѣтствѣ. Все кругомъ
Поверглось въ сонное молчанье—
И вдругъ за столъ присѣлъ со мной,
Подобный мнѣ, какъ братъ родной,
Ребенокъ въ черномъ одѣяньѣ.

Лицомъ онъ грустенъ былъ, но милъ,
Онъ лобъ на руку мнѣ склонилъ
И въ книгѣ сталъ читать со мною:
Всю ночь за книгой, при огнѣ,
Онъ былъ со мной наединѣ
И тихо скрылся предъ зарею.

Ужъ было мнѣ пятнадцать лѣтъ,
Когда въ лѣсу, теряя слѣдъ,

На глушь наткнулся я въ мечтаньи, —
Вдругъ отрокъ встрѣтился со мной,
Подобный мнѣ, какъ братъ родной,
Въ знакомомъ черномъ одѣяньи.

Онъ лютню несъ въ рукѣ одной,
Цвѣты шиповника — въ другой
И мнѣ кивнулъ, какъ другъ старинный;
Я у него спросилъ мой путь,
Онъ указалъ мнѣ — повернуть
Къ холму надъ смежною долиной.

Когда узналъ я жаръ любви
И слезы первыя мои
Я лилъ при первомъ испытаньи, —
Внезапно рядомъ сѣлъ со мной,
Подобный мнѣ, какъ братъ родной,
Мой сверстникъ въ черномъ одѣяньи.

Въ нѣмой печали и тоскѣ,
Сжимая мечъ въ одной рукѣ,
Другую — къ небу онъ направилъ...
Онъ будто самъ со мной страдалъ,
Но только вздохъ одинъ издалъ
И въ мигъ, какъ сонъ, меня оставилъ.

Въ разгульной юности моей,
Когда на пиршествѣ друзей

Я взялъ бокалъ для возліянья, —
Внезапно сѣлъ передо мной,
Подобный мнѣ, какъ братъ родной,
Товарищъ въ черномъ одѣяньѣ.

На немъ былъ миртовый вѣнокъ,
И ветхій пурпура кусокъ
Онъ трясъ подъ мантіею черной;
Онъ исхудалою рукой
Своимъ бокаломъ тронулъ мой,
И мой—упалъ, въ рукѣ покорной...

Я помню, въ тотъ ужасный мигъ,
Какъ умеръ мой отецъ-старикъ,
Приникъ я къ мертвому съ рыданьемъ,—
И сирота поникъ со мной,
Подобный мнѣ, какъ братъ родной,
Покрытый чернымъ одѣяньемъ.

Слезами взоръ его блестѣлъ,
Вѣнокъ терновый онъ имѣлъ
Въ тѣни кудрей... Какъ скорби жало,
Вонзенъ былъ мечъ въ его груди,
И пурпуръ былъ его въ крови,
И лютня на землѣ лежала.

Запомнилъ живо я его,
И въ дни страданья моего

Всегда, вездѣ онъ мнѣ являлся.
Тò демонъ или ангелъ былъ,
Не зналъ я,—но его любилъ:
Онъ другомъ нѣжнымъ мнѣ казался.

Когда, усталый зло терпѣть,
Чтобы ожить иль умереть,
Покинулъ берегъ я отчизны;
Когда поспѣшно я бѣжалъ
И всюду новыхъ силъ искалъ,
Просилъ надеждъ у новой жизни,—

Подъ небомъ странъ, гдѣ я бродилъ,
Гдѣ взоръ и сердце утомилъ
Въ безостановочномъ побѣгѣ;
Гдѣ хромоногая тоска,
Какъ отжилаго старика,
Меня влекла въ своей телѣгѣ;

Гдѣ тайну жизни я ловилъ
И всюду только находилъ
Лишь давнихъ призраковъ туманы;
Гдѣ вновь, не живши, я встрѣчалъ,
Опять все то-же, чтò видалъ:
Людей, ихъ злобу и обманы...

Вездѣ, гдѣ вдоль большихъ дорогъ
Слезою я смочилъ платокъ,

Гдѣ раздались мои рыданья;
Гдѣ, какъ ягненокъ, здѣсь и тамъ,
Свой пухъ роняетъ по кустамъ,—
Я тратилъ сердца дарованья;

Вездѣ, гдѣ грустно я мечталъ,
Вездѣ, гдѣ смерти я желалъ,
Вездѣ, гдѣ я земли касался,—
Вездѣ несчастный предо мной,
Подобный мнѣ, какъ братъ родной,
Въ одеждѣ черной появлялся.

О, кто же ты, кого вездѣ и неизбѣжно
На жизненномъ пути мнѣ суждено встрѣчать?
Твой взоръ задумчивый исполненъ грусти нѣжной
И злобнымъ геніемъ нельзя тебя назвать.
Улыбка мнѣ твоя преподаетъ терпѣнье,
О сожалѣніи—слеза мнѣ говоритъ;
Встрѣчаяся съ тобой, я вѣрю въ Провидѣнье,
Твои страданія близки моимъ мученьямъ
И дружба тихая въ тѣни твоей сквозитъ.

Кто-жъ ты? Не знаю я, но ты не ангелъ свѣта:
Ни разу не пришелъ ты зло предупредить,
Ни разу въ бѣдствіи не подалъ мнѣ совѣта
И молча дозволялъ судьбѣ меня губить;
Въ улыбкѣ сдержанной со мной не веселился,
Утѣшить не умѣлъ участіемъ своимъ,

За цѣлыхъ двадцать лѣтъ, что ты за мной влачился,
Себя ты не назвалъ и мнѣ ты не открылся—
Зачѣмъ-бы такъ робѣлъ небесный серафимъ?

И вотъ, почти сейчасъ, въ сегодняшній же вечеръ
Ты былъ со мной опять.—Какъ ночь была темна!
Какъ грозно бушевалъ и рвался въ окна вѣтеръ!..
Я былъ такъ одинокъ на ложѣ, гдѣ она
Недавно ласкою своей меня дарила,
Еще на ложѣ томъ все молвило о ней,
Осиротѣлое,—оно не вдругъ остыло...
Я думалъ, какъ легко она меня забыла,
Какъ съ ней оборвалась и часть души моей!

Я перечитывалъ послѣднія посланья
И любовался я обрѣзками кудрей,—
И вотъ вы, вѣчныя, я думалъ, обѣщанья,
Мнѣ подарившія такъ мало ясныхъ дней!
Въ остаткахъ милыхъ тѣхъ какъ будто-бы витаетъ
Еще недавняя счастливая пора:
Вотъ слезы сердца какъ безслѣдно исчезаютъ,—
Глаза тѣ самые ихъ завтра не узнаютъ,
Которые съ мольбой ихъ пролили вчера!

Я въ связку уложилъ, хранимые въ завѣтѣ,
Слѣды летучіе блаженства моего,
И я сказалъ себѣ, что здѣсь, на этомъ свѣтѣ,
Едва-ль не прядь волосъ живучѣе всего!

*

И какъ теряется въ волнахъ кипучихъ моря
Покинутый пловецъ, не видя береговъ,
Такъ, потерявшійся въ забвеніи и горѣ,
Теперь оплакивалъ одинъ я, на просторѣ,
Свою безвременно-погибшую любовь.

Ужъ я надъ лентою занесъ сургучъ кипящій,
Чтобъ связку цѣнную невѣрной отослать—
Меня остановилъ вдругъ сердца стонъ молящій:
Я горя своего не могъ еще понять...
О, безразсудное и гордое созданье,
Ты не хотѣла знать, но вспомнишь ты меня!
Чтò значили твои недавнія рыданья
И слезы, и тоска, и спертое дыханье?
Ужель—притворный пылъ, безъ тайнаго огня?

Ты плакала, и знай—еще ты плакать будешь!
Межъ нами тѣнь твоя невидимо живетъ
И, оттолкнувъ меня,—меня ты не забудешь:
Разлука на тебя всѣмъ бременемъ падетъ!
Уйди, оставь меня и унеси съ собою
Довольство гордое на сердцѣ ледяномъ!
Еще въ груди моей есть сердце молодое,
Оно не замолчитъ, пронзенное тобою,
И много новыхъ ранъ помѣстится на немъ.

Увы! не всѣмъ тебя природа одарила,
Хоть образъ ласковый волшебно убрала,

эгда своей красой ты тѣшиться любила,
ылѣть же и прощать вовѣкъ ты не могла.
ди... оставь меня... иди своей дорогой
пепелъ прошлаго по вѣтру ты разсѣй!
счастіе найду и въ жизни одинокой...
ь нѣтъ! Скажи, зачѣмъ ты стала мнѣ далекой?
ѣмъ тебя здѣсь нѣтъ въ безмолвіи ночей?

вновь по воздуху мелькнуло тѣни нѣжной
эжанье слабое — и вновь передо мной
ился ты, мой гость, мой спутникъ неизбѣжный,
ртретъ задумчивый, печальный призракъ мой!
)-жъ ты?—Летучій сонъ? Мое-ли отраженье?
го ты требуешь, что хочешь отъ меня?
ѣмъ слѣдишь за мной, не зная утомленья?
й братъ таинственный, безмолвное видѣнье,
кройся-жъ, наконецъ, и назови себя.

ВИДѢНЬЕ.

Я разрѣшу твои сомнѣнья:
Мы дѣти матери одной,
Не ангелъ я хранитель твой,
Но также и не ангелъ мщенья.
На краткомъ жизненномъ пути
Не знаю самъ, куда пойти
Придется тѣмъ, кого люблю я.
Не богъ, но и не демонъ я,

И вѣрно назвалъ ты меня,
Безмолвнымъ братомъ именуя:
Тебя всю жизнь я прослѣжу,
Къ порогу смерти провожу
И сяду надъ твоей могилой.
Я другъ въ дни скорби и тоски,
Но не подамъ тебѣ руки:
Я—одиночество, мой милый!

Октябрьская ночь.

ПОЭТЪ.

ошла моя печаль, подобно сновидѣнью,
нынче слѣдъ ея, летучій и пустой,
товъ я приравнять ночному испаренью,
авшему въ траву невидимой росой.

МУЗА.

О, мой поэтъ! Какое зло
Тебя такъ долго стерегло?
Давно, давно ужъ я гадаю,
За что̀, безмолвіе храня,
Ты отшатнулся отъ меня,
За что напрасно я страдаю?

ПОЭТЪ.

то была печаль изъ самыхъ обыденныхъ
сердцу каждаго грозитъ она равно;

Но вѣчно думаетъ любой изъ огорченныхъ,
Что горе высшее познать ему дано.

МУЗА.

Довѣрься мнѣ въ ночной тиши,—
У обыденной лишь души
Печаль быть можетъ обыденной.
Раскрой свою больную грудь,
Чтобъ могъ свободно ты вздохнуть,
Отъ горькой тайны облегченный.
Вѣдь знаешь ты, — молчанья богъ
Печаленъ, сумраченъ и строгъ,
И братомъ смерти онъ зовется.
И грусть въ безмолвіи растетъ,
Но бремя съ сердца упадетъ,
Когда въ словахъ она прольется.

ПОЭТЪ.

Меня, повѣришь-ли, беретъ уже раздумье,
Какъ долженъ я тебѣ печаль свою назвать?
Была-ли то любовь, иль опытъ, иль безумье,
И можетъ-ли она другого поучать?
Но все-же я легко могу передъ тобою
Ту повѣсть мрачную излить наединѣ.
Присядь тутъ съ лирою: волшебною струною
Буди прошедшее, уснувшее во мнѣ.

МУЗА.

Поэтъ! Еще одинъ вопросъ:
Судьбой ниспосланное горе
Вѣдь ты безъ злобы перенесъ?
Ты больше съ прошлымъ не въ раздорѣ?—
Чтобъ отвѣчать душѣ твоей
Словами кроткаго участья,
Я не должна дѣлить страстей,
Тебя доведшихъ до несчастья.

ПОЭТЪ.

да! Я исцѣленъ безслѣдно отъ недуга
какъ страдалъ—забылъ. Надъ пропастью крутой,
ѣ прежде я висѣлъ, я стану безъ испуга
тамъ, гдѣ я блуждалъ, мнѣ видится другой.
можешь быть смѣла: въ родномъ уединеньи
льется намъ напѣвъ согласною рѣкой.
къ сладко вспоминать, въ спокойномъ отдаленьи,
чаль минувшую съ улыбкой и слезой!

МУЗА.

Какъ мать съ любовью, осторожно
Качаетъ сонное дитя,
Такъ я съ заботою тревожной
Готова выслушать тебя.

Начни разсказъ,—отвѣтомъ нѣжнымъ
У лиры струны зазвучатъ,
И вотъ, въ сіяньи безмятежномъ,
Ужъ тѣни прошлаго летятъ.

ПОЭТЪ.

О, ты, мой милый трудъ,—отрада лучшихъ дне[redacted]
Уединенье золотое!
Опять, мой кабинетъ, сижу въ тиши твоей,
Мое убѣжище святое!
Знакомцы старые, давно ужъ не видалъ
Я васъ, забытые, родные:
Вотъ лампа вѣрная, съ которой я мечталъ
Въ часы безмолвные, ночные;
Вотъ кресло пыльное... О, чудный мой дворецъ,
Пріютъ спокойствія и мира!
Да, муза юная, вернулся твой пѣвецъ,
Воскресла дремлющая лира!
Хочу я вамъ теперь страданья разсказать
Любви исполненной отравы:
Увы, мои друзья, то женщина опять...
(Ужъ вы предвидѣли?—И правы!)
У этой женщины я вѣчно былъ въ рукахъ,
Какъ рабъ, покорный господину;
Въ ея безжалостныхъ, губительныхъ когтяхъ
Порвалъ я сердца половину!
И все-же я скажу: нерѣдко близъ нея
Вдали я видѣлъ счастья грёзы,

ͻгда мы подъ руку бродили у ручья
Подъ тѣнью трепетной берёзы,
въ мѣсячныхъ лучахъ на тихомъ берегу
Песокъ волшебно серебрился,
я ее ласкалъ... Довольно... Не могу!
Къ чему, безумный, я стремился?
ıвѣрное, судьбѣ въ тѣ дни была нужна
Зачѣмъ-то жертва искупленья,
злобно за любовь отмстила мнѣ она,
Какъ будто счастье—преступленье!

МУЗА.

Минута сладкая игриво
Мелькнула въ памяти твоей,—
Скажи, зачѣмъ-же ты пугливо
Сдержался слѣдовать за ней?
Зачѣмъ въ бесѣдѣ откровенной
Былыя радости таить?
Не лучше-ль, въ тонъ судьбѣ надменной,
Объ ихъ заманчивости бренной
Теперь съ улыбкой говорить.

ПОЭТЪ.

ıтъ! Лучше я взгляну съ презрѣнiемъ на горе;
перь, уже остывъ отъ времени къ нему,
бѣ я разскажу, съ улыбкою во взорѣ,
томъ, какъ я страдалъ, когда и почему...

*

Я помню, ночь была осенняя дождлива,
Почти такая-же, какъ видишь ты сейчасъ,
И вѣтеръ жалобный въ душѣ моей тоскливо
По струнамъ горестнымъ наигрывалъ не разъ.
Сидѣлъ я у окна, въ тревожномъ ожиданьи
Прислушивался я, идетъ-ли кто нибудь...
Я ждалъ ее... Все нѣтъ!.. Въ невольномъ содроганьи
Поникъ я головой, и въ любящую грудь
Вонзилось черное, больное подозрѣнье:
Измѣна, можетъ быть?.. Какъ прежде, за окномъ
Молчала улица и, точно привидѣнья,
Подчасъ прохожіе мелькали съ фонаремъ.
То вдругъ ненастный вихрь мнѣ слышался за дверью
И въ немъ чудился мнѣ живой, знакомый вздохъ
Чего-чего тогда, отдавшись суевѣрью,
Въ душѣ своей больной придумать я не могъ!
Напрасно я взывалъ къ своей послѣдней силѣ,
Напрасно отъ нея поддержки ожидалъ,
Часы урочные безжалостно пробили,
А милой нѣтъ и нѣтъ... Я плакалъ, я дрожалъ,
И все еще искалъ съ безпомощной тоскою
Я тѣнь желанную на брошенномъ пути...
О, Муза, вѣришь-ли, той женщиной пустою
Безумный былъ огонь зажжонъ въ моей груди!
Все въ мірѣ для нея готовъ я былъ оставить,
Труднѣй, чѣмъ съ жизнію, разстаться было съ ней,
И даже въ эту ночь я долженъ былъ лукавить
И лгать передъ собой, стремясь порвать скорѣй

Всѣ цѣпи прошлаго... Я звалъ ее презрѣнной,
Я укорялъ ее въ жестокости и лжи,
Но образъ красоты небесной, несравненной
Властительно смирялъ проклятія мои!..
Ужъ брезжилъ полусвѣтъ и я въ изнеможеньи,
Разбитый, на окнѣ, тревожно задремалъ;
Но вновь очнулся я, при звукахъ пробужденья,
И утро яркое на небѣ увидалъ.
И вдругъ — мнѣ кажется, какъ будто за стѣною
На смежной улицѣ послышались шаги...
Я слушаю, гляжу, и — кто-жъ передо мною?
Она! Я узнаю... О, Боже, помоги...
Она ко мнѣ идетъ!..—Вошла... ей горя мало!
Откуда ты? Зачѣмъ? Гдѣ ночью ты была?..
Гдѣ тѣло чудное въ часы любви лежало?..
Смѣяться надо мной поутру ты пришла?
Ты знаешь, — я всю ночь проплакалъ на-сторожѣ,
А ты, — любовь свою дѣлила ты съ другимъ?
Скажи, безстыдная, на чьемъ была ты ложѣ?
Какъ смѣешь думать ты, что буду я твоимъ,
Что я къ объятіямъ усталымъ, ненасытнымъ,
Со страстью нѣжною и ласкою прильну?
Иди, вернись опять къ дѣламъ своимъ постыднымъ,
А я навѣкъ любовь и молодость кляну!..

МУЗА.

Смирись, смирись, я умоляю.
Отъ словъ несдержанныхъ твоихъ,

И я тревожусь и страдаю.
Едва-ли твой недугъ затихъ!
Должно быть, раною глубокой
Ты былъ когда-то пораженъ:
Тяжелъ ударъ судьбы жестокой,—
Не такъ легко проходитъ онъ.
Забудь ее, дитя родное!
Ты имя, прежде дорогое,
Скорѣй изъ сердца изгони,
Иль, какъ чужое, вспомяни.

ПОЭТЪ.

О, стыдъ тебѣ: ты мнѣ впервые
Дала измѣну испытать,
Извѣдать гнѣвъ, порывы злые
И вѣру въ счастье потерять.
Тебѣ, тебѣ я, черноокой,
Тебѣ я шлю проклятье вновь:
Ты погребла во тьмѣ глубокой
Мои надежды и любовь!
Твоя улыбка, взоръ лукавый,
Твоя губительная рѣчь
Мнѣ стали горькою отравой,
И былъ бы я готовъ обречь
Теперь на гибель все земное,
Въ чемъ есть на радости намекъ:

Зато — тебѣ, созданье злое,
Зато — красѣ твоей упрекъ!
Любви восторженныя грезы
Съ тобой навѣкъ я потерялъ;
Слезамъ не вѣрю, — тѣ же слезы
Не у тебя-ли я видалъ?
О, стыдъ тебѣ! Тебѣ довѣрилъ
Я жизнь и сердце въ первый мигъ,
Я былъ дитя — не лицемѣрилъ
И лжи ни въ комъ бы не постигъ.
Конечно, не было защиты
У сердца дѣтскаго тогда, —
Могли быть каждою разбиты
Мои надежды безъ труда...
Но было легче молодыя
Мечты совсѣмъ не нарушать.
О, стыдъ тебѣ: ты мнѣ впервые
Дала страданье испытать!
Не ты-ль безжалостнымъ ударомъ
Слезу заставила бѣжать?
Повѣрь, источникъ тотъ недаромъ
Открытъ тобою... Изсякать
Ему судьба не дозволяетъ...
Онъ все бѣжитъ, не умолкаетъ,
Онъ всѣ печали омываетъ,
И будетъ день, увѣренъ я,
Я въ немъ умоюсь отъ тебя!

МУЗА.

Довольно, мой поэтъ! Послушай: какъ бы мало
Невѣрной женщиной ты ни былъ увлечёнъ,
Хотя бы день одинъ отраду сердце знало,
За этотъ день одинъ ужъ долженъ быть прощенъ
Ударъ, полученный тобою отъ коварной.
Ты хочешь быть любимъ, умѣй-же уважать
Любовь минувшую душою благодарной.
Я знаю: для людей такъ тягостно прощать
Обиды ближнему, — но если уничтожишь
Въ себѣ ты ненависть,—вѣдь мукъ избѣгнешь ты;
Предай забвенію, чего простить не можешь.
Какъ мертвыхъ берегутъ могильные кресты,
Такъ точно у любви есть бренные остатки,
Мечты уснувшія,—и нуженъ имъ покой.
Зачѣмъ душѣ твоей томительны и гадки
Воспоминанія любви твоей былой?
А можетъ, крылась тутъ забота Провидѣнья
И опытъ бѣдствія созрѣть тебѣ помогъ?
Мы всѣ находимся у горя въ обученьи
И съ трезвой мудростью выходимъ изъ тревогъ.
Да, мраченъ тотъ законъ, но вѣченъ, непреложенъ,
Что каждаго должно несчастье окрестить:
Налогомъ горести счастливый мигъ обложенъ —
Страданьемъ за него мы призваны платить.
Взгляни — подъ тучами, грозою и вѣтрами
Выравниваетъ хлѣбъ свой колосъ золотой,

И радость я сравню съ душистыми цвѣтами,
Вспоенными дождемъ, омытыми росой.
Не самъ-ли ты сказалъ, что больше не страдаешь?
Ты счастливъ, ты любимъ, всѣ сладости земли
Теперь безпечно ты и весело вкушаешь.
Припомни-жъ слезы тѣ, что нѣкогда текли:
Не ихъ-ли горечью, не старымъ-ли недугомъ
Цѣнить все лучшее ты мудро научёнъ?
И какъ теперь легко тебѣ въ бесѣдѣ съ другомъ!
Бокаловъ на пиру какъ веселъ ныньче звонъ!
Ты могъ-ли-бъ такъ любить красу земного міра,
Сонеты, пѣнье птицъ, нарядные цвѣты,
Искусства древнія, творенія Шекспира,
Когда-бъ въ ихъ прелести подчасъ не слышалъ ты
Отвѣта нѣжнаго на прежнія страданья?—
А неба яснаго прозрачная лазурь?
А вѣчный ропотъ волнъ? А полночи молчанье?
Кто-бъ могъ ихъ понимать, не знавъ душевныхъ бурь
Иль мукъ безсонницы и думъ о снѣ загробномъ?
Вѣдь ныньче счастливъ ты съ подругою иной,
И въ сердцѣ, нѣкогда обиженномъ и злобномъ,
Какой приливъ любви ты чувствуешь порой!
Теперь, когда вдвоемъ вамъ вечеромъ случится
Бродить съ ней подъ руку надъ дремлющимъ ручьемъ—
На тихомъ берегу не также-ль серебрится
Песокъ заманчиво подъ мѣсячнымъ лучомъ?
Слетаются опять надъ вами счастья грезы,
Опять дано тебѣ красавицу ласкать

Подъ тѣнью трепетной, по-прежнему, березы
И ты ужъ предъ судьбой не станешь унывать.
Зачѣмъ-же ты клянешь старинныя печали,
Невѣрные шаги минувшихъ юныхъ лѣтъ?
Все то, чѣмъ ты богатъ, они тебѣ послали!
Дитя мое! Въ тебѣ, я знаю, злобы нѣтъ:
Прости и пожалѣй ту женщину, которой
Обязанъ первой ты мучительной слезой,
И да послужитъ въ томъ самъ Богъ тебѣ опорой
Создавшій вамъ союзъ для радости земной,
Увы, немыслимой безъ горькихъ испытаній.
Какъ знать? Она тебя любила, можетъ быть,
И ей не обошлась разлука безъ страданій,
Но случай ей велѣлъ мечту твою разбить.
Легко-ли было ей въ тебѣ оставить рану,
Отдать тебя другой, проливши море слезъ?
Не всѣ-же слезы тѣ приписывать обману!
Прости ее, дитя, — мечту невинныхъ грезъ!

ПОЭТЪ.

И правда! Злоба нечестива,
Какъ змѣй подземный холодна,
И содрагаюсь я брюзгливо,
Когда ползетъ по мнѣ она.
Внимай-же, милая богиня,
Молю — свидѣтельницей будь:
Проникла мирная святыня

Въ мою измученную грудь.
Клянусь глазами голубыми
Моей подруги молодой,
Клянусь я благами земными,
Клянусь небесной синевой,
Клянусь божественной вселенной
И вѣчной благостью Творца,
Звѣздою утра несравненной,
Надеждой тихаго конца;
Клянусь я жизненною силой,
Роскошной зеленью полей
И всѣмъ, что жду я за могилой,
Клянусь — изъ памяти своей
Теперь на вѣкъ я изгоняю
Ту повѣсть черную свою!
На мирный сонъ я обрекаю
И тѣнь печальную твою,
О, ты, какъ райское видѣнье,
Меня привлекшая къ себѣ!
Уже готовой дать забвенье,
Даю пощаду я тебѣ.
Простимъ другъ другу. Я снимаю
Предъ Богомъ цѣпь твоей любви,
Съ слезой послѣдней посылаю
Тебѣ послѣднее: прости!

Теперь-же, муза молодая,
Ты, златокудрая моя,

Скорѣй, рѣзвясь и напѣвая,
Гони раздумье отъ меня.
Поемъ любовь, поемъ свободу!
Безслѣдно, ненависть, умри!..
Гляди — воскресшую природу
Уже ласкаетъ лучъ зари.
Скорѣй идемъ гулять по лугу,
Цвѣты по-прежнему срывать,
Идемъ будить мою подругу,
Ее лелѣять и ласкать.
Какъ солнце землю пробуждаетъ,
Такъ, Муза, ты бодришь меня,
И возрожденье — сердце знаетъ —
Ко мнѣ придетъ съ лучами дня!

Майская ночь.

МУЗА.

ой пѣсню, мой поэтъ, коснись меня устами!
одня, въ эту ночь, рождается весна:
иповникъ ужъ цвѣтетъ; душистыми вѣтрами
ь юга вѣетъ къ намъ; поляна зелена
птички вешнія гнѣздятся подъ кустами.
ой пѣсню, мой поэтъ, коснись меня устами!

ПОЭТЪ.

Какая тамъ, въ долинѣ, тьма!
Я видѣлъ тѣнь: изъ-за холма
Она таинственно предстала,
Неслась по зелени луговъ,
Въ лѣсу мелькала межъ деревъ,
И вдругъ—опять ея не стало...

МУЗА.

Спой пѣсню, мой поэтъ! Вотъ ночь, благоухая,
Колеблетъ свой покровъ надъ сонною землей
И роза, надъ жучкомъ листочки замыкая,
Съ заботой нѣжною поитъ его росой.
Послушай, что за тишь! Припомни образъ милой,
Лети въ объятья къ ней мечтою легкокрылой!
Сегодня на рѣкѣ вечерній лучъ потухъ
Такъ нѣжно, будто онъ томился отъ разлуки,
И въ воздухѣ ночномъ лобзаній таютъ звуки,
Какъ будто въ немъ любви паритъ незримый духъ.

ПОЭТЪ.

Зачѣмъ печаль меня томитъ
И сердце бьется и щемитъ,
И грудь такъ тягостно вздыхаетъ?
Кто тамъ за дверью у меня?
И лампа тусклая моя
Зачѣмъ тревожно такъ пылаетъ?
Вотъ мѣрно, глухо въ тишинѣ
Часы пробили на стѣнѣ...
Вотъ будто голосъ недалекій
Коснулся слуха моего...
Кто тамъ? Молчанье. Никого...
О, я несчастный, одинокій!

МУЗА.

ой пѣсню, мой поэтъ! Броженье молодое
ироду въ эту ночь волнуетъ и томитъ,
еланьями любви сгараетъ все земное,
страстью бурною вся кровь моя кипитъ.
гда-то для тебя прекрасною была я,
екрасна и теперь,—взгляни ты на меня...
ъ, милый, ты забылъ, какъ нѣкогда, рыдая,
палъ ко мнѣ на грудь, и тихо, осѣня
бя своимъ крыломъ, я тучи разогнала,
гда, еще дитя, ты началъ горевать?
дай мнѣ поцѣлуй... Мнѣ жить осталось мало,
литвы я прошу, чтобъ утро увидать.

ПОЭТЪ.

Не твой-ли голосъ музыкальный
Я слышу, Муза? Мой цвѣтокъ!
Моя богиня! Твой печальный
Питомецъ нынче одинокъ.
О, неизмѣнная, родная,
Одна мнѣ близкая теперь,
Войди, ласкаясь и блистая,
И душу свѣтомъ наполняя,
Въ мою покинутую дверь!

МУЗА.

Спой пѣсню, мой поэтъ! То—я, твоя подруга.
Я видѣла съ небесъ, какъ былъ печаленъ ты,
Снѣдаемый тоской сердечнаго недуга,
И я къ тебѣ сошла съ лазурной высоты.
Страдалецъ мой, я здѣсь! Я знаю, тайной боли
Душа твоя полна. Не снова-ль, милый мой,
Манитъ тебя любовь, какъ призракъ лучшей доли,
Какъ отблескъ радости мелькая предъ тобой?
Иди, мы воспоемъ минувшія тревоги
И счастья свѣтлаго утраченные дни;
Волшебной силою, могучіе, какъ боги,
Въ туманѣ прошлаго засвѣтимъ мы огни.
Чего желаешь ты? Веселья, славы звуки
Мы тотчасъ вызовемъ на лирѣ? Хочешь: въ даль
Умчимся въ уголокъ, гдѣ нѣтъ терзаній скуки
И гдѣ забвеніемъ врачуется печаль?
Куда мы полетимъ? Весь міръ открытъ предъ нами:
Вонъ тамъ—Италія въ полуденномъ огнѣ,
Вдали—Шотландія съ зелеными холмами,
Тамъ—горы Греціи, синѣя въ тишинѣ,
Глядятся съ высоты въ кристальные заливы...
О, чудная страна! О, мой родимый край!
Откуда-жъ мы возьмемъ волшебные мотивы
Для пѣсенъ и молитвъ? Рѣшайся, выбирай:
О томъ-ли будемъ пѣть, что ангелъ безмятежный
Тебѣ нашептывалъ сегодня въ полуснѣ,

Когда въ окно сирень вливала запахъ нѣжный,
И ранніе лучи играли на стѣнѣ?
Блестящіе полки пошлемъ-ли въ бой горячій?
Надежду-ль окрылимъ? Упьемся-ли слезой?
Любовника-ль взведемъ по лѣстницѣ висячей?
Замылимъ-ли коня подъ вихремъ и грозой?
Поднявъ-ли къ небесамъ задумчивые взгляды,
Мы будемъ пѣть Того, кто въ благости своей,
Въ лазури засвѣтилъ несчетныя лампады,
Кто жизни и любви вливаетъ въ нихъ елей?
Въ морскую-ль глубину проникнемъ, гдѣ кораллы
И жемчугъ мы сорвемъ съ таинственнаго дна?
За смѣлымъ-ли стрѣлкомъ взберемся мы на скалы?
Предъ нимъ трепещетъ лань; испуганно она
Со взоромъ жалобнымъ взываетъ о пощадѣ;
Оврагъ ее манитъ, дѣтеныши зовутъ...
Стрѣлокъ ее сразилъ, а жадныя къ наградѣ
Собаки собрались надъ жертвою и ждутъ,
И сердце теплое охотникъ имъ бросаетъ.
Воспѣть-ли дѣву намъ? Стыдлива и стройна,
Она еще едва для счастья разцвѣтаетъ;
Вотъ съ нѣжной матерью въ соборъ идетъ она;
За ними юный пажъ. Съ тревогою во взглядѣ,
Красавица, забывъ молитву и соборъ,
Внимаетъ, какъ звучитъ въ церковной колоннадѣ
Поспѣшный бѣгъ коня и эхо звонкихъ шпоръ...
Призвать-ли, съ копьями и въ блескѣ арматуры,
Героевъ Франціи на башни старыхъ стѣнъ?

Иль пусть поютъ романсъ родные трубадуры,
Слагая гимнъ любви, оплакивая плѣнъ?
Элегіи къ тебѣ призвать-ли образъ блѣдный?
Иль Ватерлооскаго героя оживить,
Который тьмы людей рукой своей побѣдной
По прихоти своей рѣшился погубить?
Но къ славному вождю явился вѣстникъ ночи,
Онъ гордаго низвергъ однимъ ударомъ крылъ,
Сомкнулъ ему навѣкъ воинственныя очи
И руки на стальной груди его сложилъ.
Иль имя низкое зоила-памфлетиста
Къ позорному столбу мы грозно пригвоздимъ,
Чтобъ онъ отравою ругательства и свиста,
Въ безвѣстности своей забытъ и невредимъ,
Не смѣлъ у генія тревожить вдохновеній
И лавры обгрызать на избранномъ челѣ!..
Спой пѣсню, мой поэтъ! Смотри—отъ дуновеній
Весеннихъ я лечу... Остаться на землѣ
Мнѣ трудно... Часъ насталъ, часъ думъ и пѣснопѣній,
О! дай мнѣ хоть слезу!.. Теряюсь я во мглѣ...

ПОЭТЪ.

О, если ты одныхъ лобзаній
Иль слезъ желаешь отъ меня,—
Подруга, вѣрь, безъ колебаній
Ихъ дамъ тебѣ отъ сердца я.
Когда утонешь ты въ эфирѣ,

Когда на небѣ будешь ты,
Припомни, какъ тебѣ на лирѣ
Ввѣрялъ я сладкія мечты!
Ужъ я, увы, не воспѣваю
Ни грезъ, ни славы, ни любви;
Не слышу жизни я въ крови
И даже зло не проклинаю;
Не льется рѣчь, и я въ тиши
Внимаю лепету души.

МУЗА.

Но что-жъ ты думаешь? Что я, какъ вихрь осенній
Съ могилъ сбираю скорбь и жадно слезы пью,
Блуждая по стопамъ печальныхъ привидѣній?
А нѣжный поцѣлуй,—не я-ль тебѣ даю?
Нѣтъ! Сорная трава, которую хотѣла
Я съ корнемъ истребить, то—лѣнь твоя, мой другъ.
И если въ старину душа твоя болѣла,
Раскрой и обнажи мучительный недугъ.
Чѣмъ выше человѣкъ, тѣмъ путь его опаснѣй;
Поэтъ, свою печаль безслѣдно ты не прячь!
Отчаянія пѣснь едва-ль не всѣхъ прекраснѣй,
Есть пѣсни дивныя, похожія на плачъ.
Ты знаешь—пеликанъ, когда онъ прилетаетъ
Въ вечернемъ сумракѣ къ оставленнымъ птенцамъ,
Вся жадная семья на берегъ выбѣгаетъ,
Отца издалека зоветъ знакомый гамъ

*

Измученныхъ дѣтей. Избравъ утесъ высокій,
Питомцевъ осѣнивъ повиснувшимъ крыломъ,
Онъ въ небо темное вонзаетъ взоръ глубокій,
И льетъ густая кровь дымящимся ручьемъ
Изъ груди жалкаго кормильца-рыболова!
Нѣтъ корма у него, напрасно онъ искалъ
Добычи въ камышахъ, вдоль берега морскаго
И въ черной глубинѣ за цѣпью синихъ скалъ.
Онъ сердце лишь свое принесъ для насыщенья
Любимыхъ имъ дѣтей, и молча дѣлитъ онъ
Свою всю внутренность. Не чуя истощенья,
Голодною толпой задавленъ, окруженъ,
Онъ нѣжностью своей печаль свою смягчаетъ!
Такъ жертва чистая, пируя свой конецъ,
Свою живую грудь для близкихъ онъ терзаетъ;
Бываетъ иногда, что любящій отецъ,
Усталый умирать отъ пытки непосильной,
Рѣшительный ударъ себѣ наноситъ самъ.
Тогда несется крикъ въ ночной тиши могильной—
Его послѣдній вопль по темнымъ берегамъ.
Онъ страшно такъ звучитъ, что путникъ запоздалый
Невольно крестится, и въ разные концы
Всѣ птицы прячутся отъ пѣсни небывалой:
Такъ плачутъ, мой поэтъ, великіе пѣвцы!
Они даютъ шумѣть толпѣ самодовольной,
Пока не призовутъ ее къ себѣ на пиръ,
Но полонъ горечи звукъ пѣсни ихъ застольной,
Они, какъ пеликанъ, собой питаютъ міръ.

е тѣшится толпа ихъ скорбными рѣчами:
ъ нихъ, какъ отъ меча, сверкаетъ полоса,
:ѣясь по воздуху волшебными огнями,
) каплетъ изъ нея кровавая роса.

ПОЭТЪ.

О, ненасытная! Не въ силѣ
Я пѣть больной, горя отъ ранъ.
Зачѣмъ чертить слова на пыли,
Когда несется ураганъ?
Исчезла юность золотая,
Когда, безпечно разцвѣтая,
Я пѣсни чудныя слагалъ.
Съ тѣхъ поръ-же столько я страдалъ,
Что еслибъ вызвалъ вдохновеньемъ
На лирѣ горечь этихъ дней,
То, возгорясь ожесточеньемъ,
Порвалъ бы струны я на ней!

Августовская ночь.

МУЗА.

Лишь солнце перешло въ лазури безпредѣльной
Черту созвѣздія, дающаго весну,
Какъ стала жизнь моя угрюмой и безцѣльной,
А счастье унеслось въ далекую страну.
Забыта я съ тѣхъ поръ своимъ поэтомъ милымъ,
Я жду, когда мой другъ стоскуется по мнѣ...
Увы! Его жилье пустыннымъ и унылымъ
Стоитъ уже давно въ безлюдной тишинѣ.
Одна лишь я иду, какъ изгнанная Пери,
Склонять свое чело къ его забытой двери
И плакать на его покинутой стѣнѣ...

ПОЭТЪ.

Привѣтъ тебѣ, мой другъ любимый,
Моя надежда и мечта!

Опять я здѣсь, опять одни мы,
И всѣхъ милѣй подруга та,
Что насъ встрѣчаетъ въ день возврата.
Людской хвалой и блескомъ злата
Я былъ на время увлеченъ.
О, мать моя! моя родная!
Твой сынъ вернулся, неземная,
И снова пѣсенъ жаждетъ онъ.

МУЗА.

Зачѣмъ, о, вѣтренникъ!—понять тебя мнѣ трудно—
Отъ мирныхъ этихъ мѣстъ бѣжать ты вѣчно радъ?
Кого, какъ не судьбу, ты ловишь безразсудно,
И съ чѣмъ, какъ не съ тоской, приходишь ты назадъ?
Чѣмъ занятъ ты вдали, когда я здѣсь тоскую?
Напрасно ищешь ты зарницы въ темнотѣ.
Среди земныхъ утѣхъ любовь мою святую
Едва-ль ты сохранишь въ небесной чистотѣ;
Всегда твое жилье пустымъ я находила
И въ часъ, когда вездѣ стихалъ движенья гулъ,
А я въ твоемъ саду подъ окнами бродила,
Ты ночи расточалъ на пагубный разгулъ.
Иль снова любишь ты и вырваться изъ плѣна
Нѣтъ силъ въ тебѣ опять, питомецъ бѣдный мой?
А здѣсь, гляди, кругомъ осыпалась вербена
И ты не проводилъ отцвѣтъ ея слезой...
Та зелень грустная пророчитъ увяданье

И мнѣ, когда меня твой духъ не оживитъ:
Взовьется къ небесамъ ея благоуханье,—
И память обо мнѣ на небо улетитъ!

ПОЭТЪ.

Идя сегодня по равнинѣ,
Я кустъ шиповника нашелъ;
Цвѣточекъ блѣдный въ серединѣ
Дрожалъ: бѣдняжка! онъ отцвѣлъ...
А тутъ же рядомъ, зеленѣя,
Бутонъ качался на стеблѣ:
Онъ молодъ былъ, онъ былъ милѣе,—
Такъ мать-природа, будто фея,
Людей смѣняетъ на землѣ.

МУЗА.

О, жалкій человѣкъ! Все тотъ же ты, несчастный!
Ногами топчешь прахъ и къ свѣту льнешь челомъ.
Вездѣ кровавый бой, повсюду путь опасный,
И сердце какъ ни лжетъ, все рана есть на немъ.
Одинъ надѣется, тотъ сѣтуетъ на Бога,
Комедію одну играетъ цѣлый свѣтъ;
Подъ лоскомъ мишуры скрываютъ люди много,
Но вѣрно въ нихъ одно: ихъ спрятанный скелетъ.
Увы! любимецъ мой, твой даръ тебя покинулъ,
И лира ни на что̀ привѣтомъ не звучитъ,

А геній твой въ чаду пустыхъ желаній сгинулъ,
Любовью къ женщинѣ до срока онъ убитъ;
Растратилъ душу ты на слезы и страданья,—
Не взыщетъ Богъ за кровь, какъ взыщетъ за рыданья!

ПОЭТЪ.

Сегодня въ рощѣ голосъ сладкій
Я птички рѣзвой услыхалъ,
У ней же въ гнѣздышкѣ украдкой
Птенцовъ погибшихъ увидалъ.
Я пѣньемъ птички любовался...
Кто въ здѣшней жизни изнемогъ,
Тому, вѣдь, Богъ еще остался:
Надежда — здѣсь, на небѣ — Богъ.

МУЗА.

Но что же ты найдешь, когда въ изнеможеньи
Вернешься ты одинъ въ очагъ забытый свой?
Ты всюду встрѣтишь пыль,—слѣды пренебреженья,
Оттуда улетятъ отрада и покой,
Тамъ духъ невидимый на-вѣки поселится,
Чтобъ спрашивать тебя: чтò сдѣлалъ ты съ собой?
Иль ты надѣешься, что совѣсть усыпится
Подъ звуки мирные поэзіи былой?
А гдѣ убѣжище поэзіи?—Сознайся,

Что въ сердцѣ лишь твоемъ; но сердце замолчитъ,
Его разспрашивать тогда ты не пытайся,
Тлетворный ядъ страстей его испепелитъ.
Лишь изрѣдка его живучіе остатки,
Какъ змѣи обовьютъ всю грудь твою кольцомъ,—
И кто же облегчитъ тѣ жгучіе припадки?
Кто сѣтовать придетъ надъ горестнымъ пѣвцомъ,
Когда Создатель самъ, быть можетъ, мнѣ прикажетъ,
Чтобъ, недостойнаго, я кинула тебя,
Въ небесную страну мнѣ грозно путь укажетъ
И, крыльями блеснувъ, какъ сонъ, исчезну я?..
А прежде, помнишь-ли, ничто не угрожало
Свиданью нашему въ таинственныхъ лѣсахъ,
Гдѣ въ тихія мечты тебя я погружала,
А сильфы прятались въ каштановыхъ вѣтвяхъ,
Желая подсмотрѣть красу мою нагую...
Тамъ слезы нѣжныя жемчужною росой
Припомни, какъ ронялъ ты въ воду ключевую!
Чтò сдѣлалъ ты, поэтъ, съ той радужной весной?
И кто сорвалъ плоды, чтò я заколдовала?
Щека твоя цвѣла здоровьемъ молодымъ,
Которымъ я тебя отъ неба надѣляла:
Теперь же смотришь ты безсильнымъ и худымъ.
Безумный! Ты съ красой погубишь вдохновенье—
И я умру отъ стрѣлъ разгнѣванныхъ боговъ;
Когда-жъ, безкрылая, паду я съ облаковъ
Что, жалкій, мнѣ тогда ты скажешь въ утѣшенье?!

ПОЭТЪ.

Вѣдь птичка не грустить, извѣдавши утрату,
А свищетъ надъ своимъ разрушеннымъ гнѣздомъ,
И утренній цвѣтокъ, подкошенный къ закату,
Даря просторъ полей цвѣтущему собрату,
Склоняется къ землѣ покорнымъ стебелькомъ.

Вѣдь вѣчно мы въ лѣсу ногами попираемъ
Подъ зеленью живой опавшіе сучки,
И сколько міръ земной, трудясь, ни изучаемъ,
Мы знаемъ лишь одно, что взгляды измѣняемъ
И дальше насъ несутъ невѣрные шаги.

Вѣдь все до самыхъ скалъ—добыча разрушенья
И все погибшее рождается опять,
И самая война готовитъ удобренье
Для нивъ, гдѣ пронеслась рука опустошенья
И пищу мы съ могилъ приходимъ собирать.

И такъ, что̀ стоитъ жизнь? Зачѣмъ-же воздержанье?
Люблю, хоть блѣденъ я; люблю—хоть буду хилъ;
Люблю—и я отдамъ свой геній за лобзанье,
Люблю—и я хочу, чтобъ вѣчный ключъ страданья
Мнѣ впалую щеку слезою оросилъ!..

Да, муза, я люблю, и смѣло я рѣшился
Разгулу и страстямъ хваленіе воспѣть,

*

И буду повторять, чтобъ каждый веселился,—
Что былъ я цѣломудръ, но нынче измѣнился
И въ радостяхъ любви готовъ я умереть.

О, сердце гордое! Помѣху колебаній
Отбрось безъ горечи: раскрой свою любовь!
Красуйся, какъ цвѣтокъ, среди благоуханій!
Страдавшимъ нужно жить для новыхъ испытаній,
И тѣмъ, кто ужъ любилъ—любить еще и вновь!..

ЖАНЪ РИШПЕНЪ.

Дѣвочка съ кашлемъ.

Небо мутно и сурово,
Иглы вихря ледяного
Буря мчитъ,
И ребенокъ на панели
Подъ ударами мятели
Весь дрожитъ.

Грудь сиротки безпріютной,
Душитъ кашель поминутный,
Кашель злой;
Тайна мукъ ея понятна:
На лицѣ краснѣютъ пятна
У больной...

Ноги худенькія жалки,
Губы темны, какъ фіалки,
Взоръ погасъ;

Поцѣлуи лихорадки
Провели на кожѣ складки
Возлѣ глазъ.

Кашляй! кашляй! Мы внимаемъ,
Кашель твой несется лаемъ
Въ тьмѣ ночной;
Онъ грохочетъ непрерывно,
Замирая заунывно,
Будто вой.

Кашляй! Кашляй! Звукъ жестокій,
Безотвѣтный, одинокій
Сердце рветъ;
Но за то онъ всѣмъ болящимъ,
Всѣмъ на небо отходящимъ
Зѳрю бьетъ.

Кашляй! Что же? Ты смолкаешь
И насилу испускаешь
Слабый стонъ?..
Такъ звучитъ на океанѣ
Затерявшійся въ туманѣ
Дальній звонъ...

Ты головку наклонила...
Видно, близко подступила
Смерти тѣнь:

Такъ склоняетъ подъ вѣтрами
Факелъ трепетное пламя
В бурный день.

Скоро ты, забывъ печали,
Выйдешь замужъ... безъ вуали
И безъ розъ:
Ждетъ тебя сѣдой сожитель,
Всѣхъ чахоточныхъ губитель,
Царь-морозъ.

Идиллія бѣдныхъ.

Зима прокашляла послѣднюю простуду
И грустный слѣдъ ея сметается повсюду.
Надолго сгладились узоры на стеклѣ,
Снѣга растаяли въ нахлынувшемъ теплѣ,
И свѣтлая весна сошла на землю божью.
Томятся дѣвушки невѣдомою дрожью,
Незримый поцѣлуй, какъ легкая мечта,
Порхаетъ и глядитъ на грѣшныя уста,
Цвѣтетъ зеленый лугъ, и нѣгой благодатной
Прониклись небеса и воздухъ ароматный...
А грубый сѣятель идетъ къ своимъ полямъ,
Не внемля хору птицъ и нѣжнымъ вѣтеркамъ.
Покинувъ душный мракъ избы своей угарной,
Онъ возвращается къ сохѣ неблагодарной.
Пускай блеститъ лазурь, кружатся мотыльки
И шепчется волна воскреснувшей рѣки,—
Тотъ рай не для него... Въ поту, склоняясь къ плугу,

Мужикъ плодотворитъ ревнивую подругу,
Ту землю сѣрую, съ которой навсегда
Онъ скованъ узами суроваго труда.
Не чуетъ онъ рѣчей влюбленнаго зефира,
Не дѣлитъ праздника восторженнаго міра,
Не слышитъ подъ горой напѣва теплыхъ струй...
— Куда-жъ ты спустишься, крылатый поцѣлуй?
. . . .
. . . .

Печаль животныхъ.

Погасъ веселый свѣтъ небесъ
И солнце спряталось за лѣсъ.
На вѣткѣ дуба лучъ заката
Горитъ отливами граната,
Но блѣдный мѣсяцъ ужъ зажегъ
Въ вечернемъ небѣ тонкій рогъ.
Пастухъ задумчивый съ клюкою
Торопитъ стадо къ водопою,
Толпятся овцы впопыхахъ,
Теряясь въ пыльныхъ облакахъ;
Звѣрей не видно въ темномъ полѣ;
Изъ птицъ одна еще на волѣ
Слѣдитъ за стадомъ по пути,
Пугаясь близко подойти
И лишь въ сторонкѣ присѣдая.
Но вотъ ужъ нѣтъ ея. Мечтая,
Поетъ прерывисто сверчокъ.

Пастухъ играетъ въ свой рожокъ,
Баранъ къ землѣ рога склоняетъ.
Умолкли овцы. Выползаетъ
Изъ влажной тѣни робкій гадъ,
И злые псы садятся въ рядъ.
Для всѣхъ печаленъ вечеръ сонный!
Въ созвучьяхъ пѣсни монотонной
Тоскуетъ жалобно пастухъ,
И чуетъ звѣрь, что темный духъ
На землю тихую слетаетъ,
И всякій смутно понимаетъ,
Какая скрыта западня
Въ закатѣ радостнаго дня...
Нѣмая ночь! Твоя забота
Разставить намъ свои тенета,
Чтобъ къ утру свѣтлому успѣть
Наполнить сумрачную сѣть!

Привѣтъ же вамъ, лучи дневные,
За то, что вы струи живыя
Даете міру въ добрый часъ!
Цвѣты красуются для васъ;
Сверкая вашимъ отраженьемъ,
Подобно цѣннымъ украшеньямъ,
Блистаетъ ранняя роса;
На васъ любуются лѣса;
Колосья гибкіе на нивахъ
Играютъ въ вашихъ переливахъ;

Сіяньемъ вашимъ обагренъ,
Горитъ осенній небосклонъ,
И вами вскормленныя вина
Насъ грѣютъ въ стужу у камина.
Отъ васъ кипитъ на сердцѣ кровь
И зрѣетъ въ женщинѣ любовь.
И вотъ—безъ чуднаго свѣтила
Земля печальна, какъ могила,
И потому подъ кровомъ тьмы,
Тоскуютъ звѣри, какъ и мы.

Эпитафія — для кого угодно.

Невѣдомо, зачѣмъ на землю онъ явился,
И умеръ онъ зачѣмъ — вопросъ неразрѣшимъ.
Нагимъ онъ былъ рожденъ и лишь того добился,
Что въ гробъ сошелъ нагимъ.

Веселье и печаль, отчаянье и вѣру
Онъ въ здѣшнемъ странствіи, какъ всѣ, переживалъ,
И слезъ, и хохоту ему досталось въ мѣру, —
Онъ міръ съ улыбкой озиралъ.

Онъ ѣлъ и пилъ, а на ночь спать ложился,
Но, вставъ, опять невольно пилъ и ѣлъ:
Съ разнообразіемъ такимъ онъ помирился
И ладилъ, какъ умѣлъ.

Его добро осталось безъ награды,
Съ него никто не взыскивалъ за зло,

Въ любви друзей не видѣлъ онъ отрады,
Враги — погибли безъ него.

Любилъ онъ много разъ. Подругъ своихъ мѣняя,
Онъ пресыщенія достигъ и захандрилъ,
И вотъ — пронесся онъ, какъ тучка дождевая,
И слѣдъ его простылъ...

На копѣйку мудрости.

О, я безумный! Я мечталъ,
Что наше счастье было — наше,
И что никто не испыталъ
Любви блаженнѣе и краше.

Напрасно свѣтъ наука льетъ:
Слѣпая гордость намъ внушаетъ,
Что наша воля тѣ возьметъ,
Чего никто не достигаетъ.

Твердятъ-ли дѣды: „брось искать...
Повѣрь намъ, жизнію потертымъ“ —
Ты все-жъ надѣешься сорвать
Трилистникъ съ листикомъ четвертымъ.

На томъ построена земля:
Мечтаетъ струйка въ океанѣ,
Что небо свѣтитъ для нея,
И я дремалъ въ такомъ обманѣ.

Я уповалъ, что смерти нѣтъ
Для нашей юности блаженной,
Что можно тѣшиться сто лѣтъ
Все той-же розой неизмѣнной.

Я кладомъ счелъ пустой мѣдякъ:
Такъ вмигъ монетою червонной
Приманитъ дѣвочку пошлякъ —
И роскошь снится обольщенной!..

Я находилъ, что у другихъ
Любовь — мерцающій огарокъ,
Что блескъ ея — въ рукахъ моихъ
Никѣмъ невиданный подарокъ.

Я думалъ вѣчность отыскать
Въ восторгахъ сладкаго мгновенья
И птицу чудную достать,
Что будетъ пѣть безъ утомленья.

Я думалъ въ гнѣздышкѣ своемъ,
Его крыломъ надежды грѣя,

Безсмертье высидѣть тайкомъ,
Вдали отъ Времени-злодѣя.

Я вѣрилъ... Боже! мнѣ смѣшно,
Во что я вѣровалъ душою:
Помои счелъ я за вино
И круглый сыръ считалъ луною.

Увы! Та вѣра унеслась...
Я знаю: всѣ мы, какъ былинки,
Летимъ, за вихрями кружась,
Вдали отъ избранной тропинки.

Не такъ живемъ мы, какъ хотимъ,
А какъ природа намъ укажетъ;
Что̀ мы рукою начертимъ, —
Рука случайности замажетъ.

И я убитъ, и я терплю,
Но все-жъ безумно и мятежно
Свою надежду я люблю,
Хоть съ ней разстанусь неизбѣжно.

Моя непризнанная мать,
Меня Дѣйствительность казнила,
Она взялась меня поймать
И въ облакахъ меня схватила.

Такъ присужденъ я, какъ злодѣй,
За дерзость мысли къ сокрушенью:
Вѣдь стрѣламъ гордости своей
Поставилъ звѣзды я мишенью!

Вопль.

Куда бѣжать? Въ какой дали
Укрыться мнѣ отъ злого горя?
Оно пространнѣе земли
И глубже моря!

Гдѣ стану жить? Въ какй тиши
На міръ свѣтлѣе глянутъ очи?
Угрюмый мракъ моей души
Чернѣе ночи.

Зачѣмъ, зачѣмъ ничья рука
Не поразитъ меня? Повѣрьте,
Моя безумная тоска
Страшнѣе смерти!

Какъ часто въ головѣ усталой и больной
Внезапно промелькнетъ, какъ лучъ, передо мной
Когда-то слышанное слово,—
Одно изъ тѣхъ пустыхъ, но милыхъ сердцу словъ,
Въ которомъ будто шлютъ мнѣ сотни голосовъ
Привѣты счастія былого.

Я вижу старый годъ, далекій день и часъ,
И долго плачу я, не раскрывая глазъ,
И вотъ — въ одномъ изъ словъ небрежныхъ
Вся юность прошлая мнѣ снится и звучитъ,
Какъ цѣлый океанъ отзывчиво шумитъ
Въ любой изъ раковинъ прибрежныхъ...

Осенній сонетъ.

Всему положенъ срокъ: осенняя пора
Погубитъ и любовь, какъ лѣтнюю природу—
И жизни легкая, шутливая игра
Лукаво насъ ведетъ къ печальному исходу.

Блистая пурпуромъ, въ повязкѣ золотой,
И осень хороша, какъ зрѣлая матрона,
Но кислый ароматъ несетъ она съ собой,
Подобный запаху увядшаго паслена.

Надъ скорбною землей, сурова и грозна,
Угрюмымъ призракомъ проносится она,
Лишая жизни птицъ и листья обрывая.

Я жду коварную... Ужъ вотъ она идетъ;
Она не пощадитъ, къ моленіямъ глухая,—
И лѣсъ мой обнажитъ и птицъ моихъ убьетъ!

Ровный, безнадежный
Саванъ бѣлоснѣжный
Легъ на голый путь—
И ко мнѣ на грудь!

Рощи — безъ убора,
Пали въ груды сора
Мертвые листы—
И мои мечты!

Птичка, другъ поэта,
Прилетѣвъ на лѣто,
Улетѣла вновь—
И моя любовь!

ШАРЛЬ БОДЕЛЕРЪ.

Сплинъ.

Когда небесный сводъ, нависшій и тяжелый,
Гнететъ усталый духъ болѣзненной тоской
И жалокъ горизонтъ, какъ даль пустыни голой,
И смотритъ самый день грустнѣе тьмы ночной;

Когда вселенная намъ кажется подваломъ
Съ сырыми стѣнами и мутнымъ потолкомъ,
Гдѣ робкая мечта, въ смятеньи небываломъ,
Какъ мышь летучая, пугливо бьетъ крыломъ;

Когда струи дождя весь воздухъ застилаютъ,
Какъ прутья частые тюремнаго окна,
А злые пауки нашъ мозгъ перебираютъ
И въ душу темную спускаются до дна;

Когда колокола съ вершинъ церквей огромныхъ
Свой ропотъ къ небесамъ пытаются дослать,
Какъ стая демоновъ печальныхъ и бездомныхъ,
Собравшихся въ лѣсу неистово стонать,—

*

Тогда нѣмыхъ гробовъ я вижу вереницы
И плачу надъ своей растерзанной Мечтой,
А Скорбь меня сосетъ со злобою тигрицы
И знамя черное вонзаетъ въ черепъ мой!

MOESTA ET ERRABUNDA.

Скажи, душа твоя стремится-ли, Агата,
Порою вырваться изъ тины городской
Въ то море свѣтлое, гдѣ солнце безъ заката
Льетъ чистые лучи съ лазури голубой?
Скажи, душа твоя стремится-ли, Агата?

Укрой, спаси ты насъ, далекій океанъ!
Твои немолчныя подъ небомъ пѣснопѣнья
И вѣтра шумнаго чарующій органъ,
Быть можетъ, намъ дадутъ отраду усыпленья...
Укрой, спаси ты насъ, далекій океанъ!

О, дайте мнѣ вагонъ иль палубу фрегата!
Здѣсь лужа темная... Я въ даль хочу, туда!
Отъ горестей и мукъ, неправда-ли, Агата,
Какъ сладко въ тотъ пріютъ умчаться навсегда...
О, дайте мнѣ вагонъ иль палубу фрегата!

Зачѣмъ въ такой дали блестятъ долины рая,
Гдѣ вѣчная любовь и вѣчный ароматъ,
Гдѣ можно все и всѣхъ любить, не разбирая,
Гдѣ дни блаженные невидимо летятъ?
Зачѣмъ въ такой дали блестятъ долины рая?

Но рай безгорестный младенческихъ утѣхъ,
Гдѣ пѣсни и цвѣты, забавы, игры, ласки,
Открытая душа, всегда веселый смѣхъ
И вѣра чистая въ несбыточныя сказки, —
— Но рай безгорестный младенческихъ утѣхъ,

Эдемъ невинности, съ крылатыми мечтами,
Неужто онъ отъ насъ за тридевять земель,
И мы не призовемъ его къ себѣ слезами,
Ничѣмъ не оживимъ умолкшую свирѣль? —
Эдемъ невинности, съ крылатыми мечтами!

Любовь и черепъ.

У человѣчества безсмѣнно
Любовь на черепѣ сидитъ
И съ наглымъ хохотомъ надменно
На тронѣ пламенномъ царитъ.

Устами нѣжными вздуваетъ
Она блестящіе шары
И ихъ коварно посылаетъ
Сіять въ надзвѣздные міры.

Взлетаетъ шаръ подъ сводъ лазурный,
Но таетъ мыльнымъ пузыремъ,
И весь составъ его мишурный
На землю падаетъ дождемъ.

И стонетъ черепъ: „Духъ лукавый!
Разбившій тысячи сердецъ,—
Скажи: игрѣ твоей кровавой
Когда-жъ предвидится конецъ?“

„Колдунья гнусная, слѣпая!
Вѣдь то, что̀ губишь ты шутя,
Въ пустомъ пространствѣ расточая,—
То—мозгъ, и плоть, и кровь моя!“

Задумчивость.

Остынь, моя Печаль, сдержи больной порывъ.
Ты Вечера ждала. Онъ сходитъ понемногу
И, тѣнью тихою столицу осѣнивъ,
Однимъ даруетъ миръ, другимъ несетъ тревогу.

Въ тотъ мигъ, когда толпа развратная идетъ
Вкушать раскаянье подъ плетью Наслажденья,
Пускай, моя Печаль, рука твоя ведетъ
Меня въ задумчивый пріютъ уединенья,

Подальше отъ людей. Съ померкшихъ облаковъ
Я вижу образы утраченныхъ годовъ,
Всплываетъ надъ рѣкой богиня Сожалѣнья,

Отравленный Закатъ подъ аркою горитъ,
И темнымъ саваномъ съ Востока ужъ летитъ
Безгорестная Ночь, предвѣстница забвенья.

Превратности.

Ангелъ безмятежный, знаешь-ли ты горе,
Возгласы страданья, слезы сожалѣнья,
Ночи безпріютной страшныя видѣнья,
Ужасы паденья, думы о позорѣ?
Ангелъ безмятежный, знаешь-ли ты горе?

Ангелъ добродушный, знаешь-ли ты злобу,
Желчи ядовитой тайное волненье,
Приговорамъ мести рабское служенье
Въ трепетѣ, подобномъ бьющему ознобу?
Ангелъ добродушный, знаешь-ли ты злобу?

Ангелъ мой цвѣтущій, знаешь ты чахотку,
Въ сумракѣ больницы злыя лихорадки,
Боли нестерпимой жгучіе припадки,
Присужденныхъ къ смерти шаткую походку?
Ангелъ мой цвѣтущій, знаешь ты чахотку?

Ангелъ мой прекрасный, знаешь ты морщины,
Жалкую негодность красокъ и нарядовъ
И въ замѣну прежнихъ упоенныхъ взглядовъ
На холодныхъ лицахъ сдержанныя мины?
Ангелъ мой прекрасный, знаешь ты морщины?

Ангелъ мой цвѣтущій, свѣтлый, бѣлокрылый!
На твое сіянье жадно не гляжу я,
Но съ разбитымъ сердцемъ у тебя прошу я
Лишь одной молитвы для души унылой,
Ангелъ мой цвѣтущій, свѣтлый, бѣлокрылый!

СЮЛЛИ ПРЮДОМЪ.

Разбитая ваза.

Къ той вазѣ, гдѣ вянетъ вервенна,
Дотронулся вѣеръ слегка,
Не дрогнули листья цвѣтка
И тихъ былъ ударъ какъ измѣна.
Но трещины тонкой пила,
Упорно хрусталь разъѣдая,
Всю вазу отъ края до края
Безъ шума кругомъ обошла.
Сквозь щель, непримѣтную глазу,
Вода истощилась до дна,
Вервенна суха и грустна,
Взгляните на стройную вазу:
Не троньте—разбита она!

Такъ, часто рука дорогая
Слегка наше сердце язвитъ,
Но вянетъ любовь молодая
И язва на сердцѣ горитъ;

Снаружи для всѣхъ невредимо,
Оно сознаетъ въ тишинѣ,
Какъ плачетъ въ его глубинѣ,
Растетъ его рана незримо...
Въ немъ пусто, уныло, темно:
Не троньте—разбито оно!

Свѣтлыя минуты.

Причина горестей для насъ несокровенна,
Причина радостей намъ часто неясна:
Есть дни, когда душа безъ повода блаженна,
И тайной прелести вселенная полна.

Все сердце радуетъ, на всемъ печать привѣта,
Въ жилищѣ, какъ въ душѣ, отрадно и свѣтло...
Но вдругъ спадаетъ щитъ волшебнаго запрета—
Къ намъ снова крадутся сомнѣніе и зло.

Откуда-жъ тѣ лучи мгновеній беззаботныхъ,
Полураскрытые эдема тайники,—
Тѣ проблески свѣтилъ, какъ счастье мимолетныхъ,
Насъ вновь кидающихъ въ объятія тоски?

То прежняя-ль весна на сердцѣ утомленномъ
Готовится зардѣть подъ вѣяньемъ страстей,
Какъ искра поздняя въ кострѣ испепеленномъ?
Иль то предчувствіе и жажда лучшихъ дней?

О, нѣтъ! Зачѣмъ искать въ томъ ласковомъ зефирѣ
Предвѣянья надеждъ, спасенья отъ веригъ?
То счастье чуждое, блуждая въ этомъ мірѣ,
Ошибкой входитъ къ намъ и свѣтитъ намъ на мигъ.

Вальсъ.

Въ дымкѣ тюля и въ морѣ цвѣтовъ
Эти блѣдныя пары несутся
И въ минутномъ объятьи безъ словъ,
Какъ во власти крылатыхъ духовъ,
Отъ забвенья не могутъ очнуться.

Въ звукахъ вальса волшебная сѣть:
Въ ихъ угарѣ влюбленные таютъ
И кружатся—завидно глядѣть—
Будто вѣчно хотятъ улетѣть,
Будто вѣчно вернуться желаютъ.

Онъ мечтаетъ: „поймаю-ли взглядъ?"
А она: „не его-ль полюблю я?"
И уста ихъ другъ другу сулятъ
Поцѣлуя плѣнительный ядъ,
Не давая при всѣхъ поцѣлуя.

Но стихаетъ вокругъ суета
И смычковъ замираютъ удары,
Плачетъ зеркало... Зала пуста,
Остается одна темнота,
Исчезаютъ воздушныя пары.

Море.

Когда съ мольбой и стономъ злобы
Взбиваетъ море пѣну водъ,
Оно какъ будто устаетъ
Изъ нѣдръ беременной утробы
Рожать давно носимый плодъ.

Вспухаетъ тяжкая пучина—
И опускается безъ силъ...
Но вдругъ смѣняется картина:
Недвижно море, какъ равнина,
И блещетъ искрами свѣтилъ.

Тогда, стихая на постели,
Оно улыбки шлетъ вѣтрамъ,
Снастямъ—играетъ на свирѣли,
И шлюпки, словно колыбели,
Скользятъ безвредно по волнамъ.

И шепчетъ путнику громада:
„Прости, что гибель я даю!
Сама терзаться я не рада,
Чужда мнѣ отдыха отрада—
Я горе вѣчное таю“.

И снова вздувшись и страдая,
Клокочетъ море въ глубинѣ:
Такъ на землѣ душа иная,
Въ порывахъ бурь изнемогая,
Хоронитъ скорбь наединѣ.

Крылья.

Великій Богъ! Во дни видѣній нѣжныхъ,
Еще дитя — о крыльяхъ я мечталъ,
Твоихъ высотъ лазурныхъ и безбрежныхъ
Я тѣмъ не оскорблялъ.

Я позже умиралъ; мнѣ душно было въ мірѣ,
Живой струи пытался я вдохнуть
Отъ высшихъ сферъ: не птицы ли въ эѳирѣ
Мнѣ къ нимъ показывали путь?

Теперь я изнемогъ; очей на небо жадныхъ
Не смѣю устремлять съ отважностью орла.
Но кто же за плечьми взростилъ мнѣ два громадныхъ,
Два вѣчно трепетныхъ крыла?..

Сказалъ бы ей... но поневолѣ
Мнѣ рѣчь страшна:
Боюсь, что слово скажетъ болѣ,
Чѣмъ шопотъ сна.

Откуда робость? Почему бы
Не быть храбрѣй?
И почему коснѣютъ губы,
Когда я съ ней?

Признанья въ вѣтренные годы
Я дѣлалъ вмигъ;
Отъ той увѣренной свободы
Отсталъ языкъ.

Боюсь, что понялъ я невѣрно
Порывъ любить,
Боюсь слезою лицемѣрной
Глаза смочить.

Она хоть искренно польется
Но, можетъ, въ ней
Лишь съ грустью чувство отзовется
Минувшихъ дней...

ФРАНСУА КОППЕ.

Голосъ разочарованнаго.

Всѣ любятъ и живутъ! Лишь я среди людей
Стою, какъ мертвый дубъ на вешнемъ небосклонѣ...
Какъ жутко въ тридцать лѣтъ скитаться безъ стра-
стей,
Не знать ребяческой за радостью погони!

Я жалокъ, какъ больной, которому не въ мочь
Кругомъ наскучили знакомые предметы,
И онъ пытается дремоту превозмочь,
Считая на коврѣ пунцовые букеты.

Подчасъ мнѣ хочется скорѣе умереть,
И на уснувшія въ душѣ воспоминанья
Мнѣ тягостно взглянуть, какъ трудно посмотрѣть
Портрету старому въ лицо безъ содроганья.

И даже отъ любви, любви моей слѣдовъ
На сердцѣ дремлющемъ не болѣе осталось,
Какъ лѣтомъ на цвѣтахъ — отъ тѣни мотыльковъ,
Которыхъ тысячи въ ихъ листикахъ питалось.

Созданье милое, невѣдомое мнѣ!
Быть можетъ, гдѣ нибудь тебя я встрѣчу вскорѣ:
Кокотка смѣлая при газовомъ огнѣ,
Иль дѣва чистая съ стыдливостью во взорѣ,—

Явись, когда въ тебѣ есть сила оживить
Мнѣ грудь, лишенную надежды и желанья,
Всю вѣру прежнюю во взглядѣ возвратить,
Природу всю мнѣ дать въ одномъ цвѣткѣ лобзанья.

Приди! Какъ отдаютъ все золото волнамъ,
Спасаясь, моряки, чтобъ жить одно мгновенье,—
Приди! Я душу всю — всю кровь тебѣ отдамъ
За мигъ единственный любви и наслажденья!

Убаюканное горе.

Ты погибалъ. Промчались годы,—
Ты сталъ супругомъ и отцомъ.
А помнишь прежнія невзгоды?
Ты въ смерти видѣлъ лучъ свободы
И мѣтилъ въ голову свинцомъ.

Ты не забылъ своихъ страданій,
Ни бурь, ни тяжкихъ испытаній,
Ни страсти, бившейся въ крови,
Ни мукъ обманутой любви.
Въ душѣ врачуя слѣдъ измѣны,
Ты вѣчно жаждалъ перемѣны:
То въ шумѣ оргій утопалъ,
То въ славѣ отдыха искалъ,
То слушалъ плескъ и ропотъ моря,
Но, неразлученъ съ тѣнью горя,
Ты позабыть его не могъ.

Теперь — ты больше не страдаешь,
Но чѣмъ забвенья достигаешь?

— Мнѣ жаль тебя: ты — одинокъ!
Довольно мнѣ для этой цѣли.
Качаній мѣрныхъ колыбели,
Гдѣ спитъ мой маленькій сынокъ.

Мадьяръ.

Одинъ венгерскій графъ—краса степей суровыхъ,
Тотъ самый, что носилъ два перстня бирюзовыхъ
И въ битвѣ съ Турціей меча не обагрялъ—
Богатства ленныя безумно расточалъ.
Однажды, говорятъ (онъ былъ на то не промахъ),—
Графъ задалъ чудный пиръ въ наслѣдственныхъ хо-
ромахъ
И вышелъ къ данникамъ почтительнымъ своимъ
Въ кафтанѣ бархатномъ, съ оплечьемъ золотымъ,
Горя каменьями на шубѣ драгоцѣнной,
Едва пришитыми, съ той цѣлью сокровенной,
Чтобъ могъ онъ ихъ ронять, танцуя межъ гостей,—
Чтобъ ихъ достало всѣмъ, на тысячи горстей
Конечно, бѣдняки сбирали тѣ даянья.
Но балъ окончился. Въ минуту разставанья,
Заносчивый магнатъ, минуя длинный залъ,
Замѣтилъ старика: тотъ пасмурно взиралъ

На пиръ изъ уголка, скрестивъ худыя руки.
То истый былъ Мадьяръ. Кругомъ затихли звуки
Рѣчей и музыки, когда надменный графъ,
Окликнулъ старика, насмѣшливо сказавъ:
„Ты, кажется, ни съ чѣмъ остался, мой любезный!
Мнѣ жаль! Но жалобы теперь ужъ безполезны.
Рубиновъ, яхонтовъ ужъ нѣтъ ни одного...
Ты ихъ не подбиралъ: скажи мнѣ — отчего?“
И пасмурный вассалъ отвѣтилъ господину:
„А видишь: мнѣ для нихъ сгибать пришлось бы спину“.

Въ чистилищѣ.

Мнѣ снился сонъ. Я былъ въ гробу
И голосъ мнѣ шепталъ суровый:
„Ты будешь живъ, но въ формѣ новой
Узнаешь горькую судьбу;

Въ лѣсу осеннемъ, ночью мутной,
Ты будешь птицей безпріютной
Дрожать подъ холодомъ дождей“.
— Я полечу изъ лѣса къ ней!

„Иль нѣтъ! Ты будешь ветхимъ дубомъ
И ураганъ, въ порывѣ грубомъ,
Тебя сомнетъ“.—Но можетъ быть,
Ее случится мнѣ укрыть!

„Нельзя, ты слишкомъ преданъ милой:
Въ равнинѣ голой и унылой
Ты будешь камнемъ“.—Боже мой,
Она прижметъ меня ногой!

*

Тогда, смущенъ богохуленьемъ,
Воскликнулъ духъ съ ожесточеньемъ:
„И такъ, утрать ея любовь—
Ты человѣкомъ будешь вновь!“

Эхо.

Я громко сѣтовалъ въ нустынѣ:
„Кто будетъ близокъ мнѣ отнынѣ,
Какъ были близки сердцу вы?“
Мнѣ ухо вторило: „увы!“

„Какъ буду жить больной и скучный,
Томимъ печалью неотлучной
И рядомъ горестныхъ годинъ?“
Мнѣ эхо вторило: „одинъ!“

„Но гдѣ укрыться? Міръ — могила.
Мнѣ жизнь безцѣльная постыла.
Гдѣ прежній блескъ, и шумъ и рай?“
Сказало эхо: „умирай!“

На воздухѣ и въ комнатахъ.

КАРТИНКИ.

I.

Она увѣрена, что тяжко ожиданье,
И знаетъ, что клялась явиться на свиданье,
Что онъ уже давно мученьями томимъ.
Въ уборной розовой предъ зеркаломъ своимъ
Она съ прическою немножко запоздала.
Теперь огорчена прелестница не мало,
Что, разодѣтая, собравшаяся въ путь,
Не можетъ второпяхъ перчатку застегнуть.
И какъ мила возня рученки суетливой!
Какъ милъ суровый взглядъ и жестъ нетерпѣливый!
И, разсерженная, въ порывѣ молодомъ,
Стучитъ она въ паркетъ капризнымъ каблучкомъ.

II.

Вчерашнюю мятель морозецъ придавилъ.
Вся крыша, ворота и столбики перилъ,
Бесѣдка и балконъ, скамейка и заборы
Одѣлись въ ватные пушистые уборы.
Подъ небомъ сѣренькимъ въ безлиственныхъ садахъ
Бѣлѣетъ изморозь на спутанныхъ вѣтвяхъ.
Но, стойте: вотъ закатъ. Ничто не шевелится.
Багряной полосой край неба золотится,
Синѣетъ снѣжный долъ подъ сумракомъ сквознымъ,
Отъ кровель низменныхъ идетъ лиловый дымъ,
На вѣтви зимнія ложится отблескъ алый—
И превращаетъ ихъ въ волшебные кораллы.

III.

Училище. Въ углу распятіе съ цвѣтами.
Скамейки черныя межъ бѣлыми стѣнами.
Подъ чистымъ чепчикомъ, румяна и свѣжа,
Сестра-наставница, усердно сторожа
Пятнадцать дѣвочекъ, даетъ имъ объясненья.
На ласковомъ лицѣ не видно утомленья,
Когда предъ ней твердятъ въ несчетные разы
Давно извѣстные и скучные азы, —
И, добродушная, она не помѣшаетъ,
Когда десятокъ глазъ пытливо наблюдаетъ
На бѣломъ лоскуткѣ тетраднаго листка
Движенья робкія плѣненнаго жука.

IV.

Какъ часто вечеркомъ, у краснаго огня,
О птичкѣ маленькой задумываюсь я,
Погибшей гдѣ нибудь въ лѣсу непроходимомъ.
Въ дыханьи холода, при вѣтрѣ нестерпимомъ,
Подъ вѣчнымъ сумракомъ на мертвыхъ небесахъ
Ряды пустынныхъ гнѣздъ качаются въ вѣтвяхъ.
Какъ много вымерло хозяюшекъ зимою!
А между тѣмъ, когда весеннею порою
Фіалки собирать въ долину мы пойдемъ,
Скелетовъ тоненькихъ въ кустахъ ужъ не найдемъ.
И спрашиваю я, отвѣта не встрѣчая:
Куда же прячутся всѣ птички, умирая?

V.

Вчера мнѣ встрѣтились въ пути глухонѣмые,
Попарно двигались питомцы молодые.
Серьезный разговоръ у нихъ происходилъ
И каждый пальцами свободно говорилъ,
На лица странныя взглянулъ я мимоходомъ.
По полю свѣжему, подъ ярко-синимъ сводомъ,
Они сокрылись въ даль, подошвами стуча.
Остался я одинъ. Мелодіей звуча,
Пронесся вѣтерокъ въ березахъ серебристыхъ,
Звенѣли ласточки въ кустарникахъ росистыхъ,
Кузнечикъ стрекоталъ въ гвоздикахъ полевыхъ:
Мнѣ будетъ памятна судьба глухонѣмыхъ.

ЭДГАРЪ ПОЭ.

Заимствуемъ изъ нашего предисловія къ первоначальному переводу „Ворона“ (В. Европы, мартъ 1878 г.) слѣдующія необходимыя объясненія:

„Мы не нашли возможнымъ сохранить въ переводѣ размѣръ подлинника,—и вотъ причина тому. При соблюденіи размѣра и вообще внѣшней формы англійскаго стиха мы получили бы въ русскомъ переводѣ, напр., первой строфы поэмы, такой текстъ:

Какъ-то полночью глухою, въ часъ, когда своей мечтою
Я, надъ книгой наклонившись, уносился далекó,—
Вдругъ услышалъ я, смущенный, отъ забвенья пробужденный,
Стукъ неясный, монотонный въ дверь жилища моего.
„Гость“, подумалъ я, стучится въ дверь жилища моего,
„Гость — и больше ничего“

Не говоря уже о томъ, что, соблюдая такой размѣръ, мы должны были бы во многомъ исказить смыслъ подлинника, сверхъ того, музыка подобнаго стиха въ русскомъ переводѣ нисколько не соотвѣтствуетъ характеру поэмы — печальному и мрачному. Разница произошла отъ различныхъ свойствъ языковъ — англійскаго и русскаго. Можно-ли въ самомъ дѣлѣ сказать, что вышеприведенная строфа въ русскомъ переводѣ звучитъ „заупокойнымъ звономъ меланхоліи“ (un glas de mélancolie), какъ вѣрно охарактеризовалъ Шарль Боделеръ тройственныя созвучія въ поэмѣ Эдгара Поэ? А между тѣмъ размѣръ совершенно тотъ же, и весь секретъ заключается въ различномъ дѣйствіи на слухъ англійскихъ и русскихъ словъ. Въ то время какъ риѳмы: dreary, weary, napping, tapping, rapping, lore, door, more — звучатъ рѣзко, какъ удары,— риѳмы: глухою, мечтою, смущенный, пробужденный, монотонный и т. д. дѣйствуютъ мягко, какъ волны. Поэтому четырехстопный ямбъ съ короткими пàрными риѳмами — стихъ едва ли не самый грустный и монотонный на русскомъ языкѣ — показался намъ наиболѣе соотвѣтствующимъ содержанію поэмы. Въ своемъ переводѣ мы, конечно, старались передавать не столько буквальный текстъ подлинника, сколько его общее впечатлѣніе, и всегда, въ самыхъ отступленіяхъ, дѣйствовали въ духѣ пріемовъ автора.

Въ настоящей книгѣ мы постарались, по возможности, изгладить всѣ неловкости неопытнаго стиха, какими, естественно, грѣшилъ первоначальный переводъ, относившійся къ первому году нашего появленія въ печати.

Воронъ.

ПОЭМА.

Когда въ угрюмый часъ ночной,
Однажды, блѣдный и больной,
Надъ грудой книгъ работалъ я,
Ко мнѣ, въ минуту забытья,
Невнятный стукъ дошелъ извнѣ,
Какъ будто кто стучалъ ко мнѣ,
Тихонько въ дверь мою стучалъ —
И я, взволнованный, сказалъ:
„Должно быть такъ, навѣрно такъ —
То поздній путникъ въ этотъ мракъ
Стучится въ дверь, стучитъ ко мнѣ
И робко просится извнѣ
Въ пріютъ жилища моего:
То гость — и больше ничего“.

То было въ хмуромъ декабрѣ.
Стояла стужа на дворѣ,

Въ каминѣ уголь догоралъ
И, потухая, обливалъ
Багрянымъ свѣтомъ потолокъ;
И я читалъ... но я не могъ
Увлечься мудростью страницъ...
Въ тѣни опущенныхъ рѣсницъ
Носился образъ предо мной
Подруги свѣтлой, неземной,
Чей духъ средь ангельскихъ именъ
Ленорой въ небѣ нареченъ,
Но здѣсь, исчезнувъ безъ слѣда,
Утратилъ имя—навсегда!

А шорохъ шелковыхъ завѣсъ
Меня ласкалъ—и въ міръ чудесъ
Я, будто сонный, улеталъ,
И страхъ, мнѣ чуждый, проникалъ
Въ мою встревоженную грудь.
Тогда, желая чѣмъ нибудь
Біенье сердца укротить,
Я сталъ разсѣянно твердить:
„То поздній гость стучитъ ко мнѣ
И робко просится извнѣ,
Въ пріютъ жилища моего:
То гость—и больше ничего“.

Отъ звука собственныхъ рѣчей
Я ощутилъ себя храбрѣй

И внятно, громко произнесъ:
„Кого бы случай ни принесъ,
Кто вы, скажите, я молю,
Просящій входа въ дверь мою?
Простите мнѣ: вашъ легкій стукъ
Имѣлъ такой неясный звукъ,
Что, я клянусь, казалось мнѣ,
Я услыхалъ его во снѣ“.
Тогда, собравъ остатокъ силъ,
Я настежъ дверь свою открылъ:
Вокругъ жилища моего
Былъ мракъ — и больше ничего.

Застывъ на мѣстѣ, я въ потьмахъ
Извѣдалъ снова тотъ же страхъ,
И средь полночной тишины
Передо мной витали сны,
Какихъ въ обители земной
Не зналъ никто — никто живой!
Но все попрежнему кругомъ
Молчало въ сумракѣ ночномъ,
Лишь звукъ одинъ я услыхалъ:
„Ленора!“ кто-то прошепталъ...
Увы! я самъ то имя звалъ
И эхо нелюдимыхъ скалъ
Въ отвѣтъ шепнуло мнѣ его,
Тотъ звукъ—и больше ничего.

Я снова въ комнату вошелъ
И снова стукъ ко мнѣ дошелъ
Сильнѣй и рѣзче, — и опять
Я сталъ тревожно повторять:
„Я убѣжденъ, увѣренъ въ томъ,
Что кто-то скрылся за окномъ.
Я долженъ вывѣдать секретъ,
Дознаться, правъ я или нѣтъ?
Пускай лишь сердце отдохнетъ,—
Оно навѣрное найдетъ
Разгадку страха моего:
То вихрь—и больше ничего“.

Съ тревогой штору поднялъ я —
И, звучно крыльями шумя,
Огромный воронъ пролетѣлъ
Спокойно, медленно — и сѣлъ
Безъ церемоній, безъ затѣй,
Надъ дверью комнаты моей.
На бюстъ Паллады взгромоздясь,
На немъ удобно помѣстясь,
Серьёзенъ, холоденъ, угрюмъ,
Какъ будто полонъ важныхъ думъ,
Какъ будто присланъ отъ кого,—
Онъ сѣлъ — и больше ничего.

И этотъ гость угрюмый мой
Своею строгостью нѣмой

Улыбку вызвалъ у меня.
„Старинный воронъ!“ молвилъ я,
„Хоть ты безъ шлема и щита,
Но видно кровь твоя чиста,
Страны полуночной гонецъ!
Скажи мнѣ, храбрый молодецъ,
Какъ звать тебя? Повѣдай мнѣ
Свой титулъ въ доблестной странѣ,
Тебя направившій сюда?“
Онъ каркнулъ:—„Больше-никогда!“

Я былъ не мало изумленъ,
Что на вопросъ отвѣтилъ онъ.
Конечно, вздорный этотъ крикъ
Мнѣ въ раны сердца не проникъ;
Но кто же видѣлъ изъ людей
Надъ дверью комнаты своей,
На бѣломъ бюстѣ, въ вышинѣ,
И на яву, а не во снѣ,
Такую птицу предъ собой,
Чтобъ рѣчью внятною людской
Сказала имя безъ труда,
Назвавшись: Больше-никогда?!

Но воронъ былъ угрюмъ и нѣмъ.
Онъ удовольствовался тѣмъ,
Что слово страшное сказалъ,—
Какъ будто въ немъ онъ исчерпалъ

Всю глубь души — и сверхъ того
Не могъ добавить ничего.
Онъ все недвижнымъ пребывалъ,
И я разсѣянно шепталъ:
„Мои надежды и друзья
Давно покинули меня...
Пройдутъ часы, исчезнетъ ночь —
Уйдетъ и онъ за нею прочь,
Увы, и онъ уйдетъ туда!..“
Онъ каркнулъ: — Больше никогда!

Такой осмысленный отвѣтъ
Меня смутилъ. „Сомнѣнья нѣтъ“,
Подумалъ я: „печали стонъ
Имъ былъ случайно заученъ.
Ему внушилъ припѣвъ одинъ
Его покойный господинъ.
То былъ несчастный человѣкъ,
Гонимый горемъ цѣлый вѣкъ,
Привыкшій плакать и грустить,
И воронъ сталъ за нимъ твердить
Слова любимыя его,
Когда изъ сердца своего
Къ мечтамъ, погибшимъ безъ слѣда,
Взывалъ онъ: „Больше никогда!“

Но воронъ вновь меня развлекъ,
И тотчасъ кресло я привлекъ

Поближе къ бюсту и къ дверямъ
Напротивъ ворона — и тамъ,
Въ подушкахъ бархатныхъ своихъ,
Я нріютился и затихъ,
Стараясь сердцемъ разгадать,
Стремясь добиться и узнать,
О чемъ тотъ воронъ думать могъ,
Худой, уродливый пророкъ,
Печальный воронъ древнихъ дней,
И чтὸ таилъ въ душѣ своей,
И чтὸ сказать хотѣлъ, когда
Онъ каркалъ: „Больше никогда?“

И я прервалъ бесѣду съ нимъ,
Отдавшись помысламъ своимъ,
А онъ пронизывалъ меня
Глазами, полными огня —
И я надъ тайной роковой
Тѣмъ глубже мучился душой,
Склонившись нὰ руку челомъ...
А лампа трепетнымъ лучомъ
Ласкала бархатъ голубой,
Гдѣ слѣдъ головки неземной
Еще, казалось, не остылъ,
Головки той, чтὸ я любилъ,
И чтὸ кудрей своихъ сюда
Не склонитъ больше никогда!..

*

И въ этотъ мигъ казалось мнѣ,
Какъ будто въ сонной тишинѣ
Курился ладанъ изъ кадилъ,
И будто рой небесныхъ силъ
Носился въ комнатѣ безъ словъ,
И будто вдоль моихъ ковровъ
Святой, невидимой толпы
Скользили легкія стопы...
И я съ надеждою вскричалъ:
„Господь! Ты ангеловъ прислалъ
Меня забвеньемъ упоить...
О! дай Ленору мнѣ забыть!“
Но мрачный воронъ, какъ всегда,
Мнѣ каркнулъ: — Больше никогда!

„О, духъ иль тварь, — предвѣстникъ бѣдъ,
Печальный воронъ древнихъ лѣтъ!“
Воскликнулъ я... „Будь образъ твой
Извергнутъ бурею ночной
Иль посланъ дьяволомъ самимъ,
Я вижу — ты неустрашимъ:
Повѣдай мнѣ, молю тебя:
Даетъ-ли жалкая земля,
Страна скорбей — даетъ-ли намъ
Она забвенія бальзамъ?
Дождусь-ли я спокойныхъ дней,
Когда надъ горестью моей

Промчатся многіе года?“
Онъ каркнулъ:—Больше никогда!

И я сказалъ: „О, воронъ злой,
Предвѣстникъ бѣдъ, мучитель мой!
Во имя правды и добра,
Скажи во имя божества,
Передъ которымъ оба мы
Склоняемъ гордыя главы,
Повѣдай горестной душѣ,
Скажи, дано-ли будетъ мнѣ
Прижать къ груди, обнять въ раю
Ленору свѣтлую мою?
Увижу-ль я въ гробу нѣмомъ
Ее на небѣ голубомъ?
Ее увижу-ль я тогда?“
Онъ каркнулъ:—Больше никогда!

И я вскричалъ, разсвирѣпѣвъ:
„Пускай же дикій твой припѣвъ
Разлуку нашу возвѣститъ,
И пусть твой образъ улетитъ
Въ страну, гдѣ призраки живутъ
И бури вѣчныя ревутъ!
Покинь мой бюстъ и сгинь скорѣй
За дверью комнаты моей!
Вернись опять ко тьмѣ ночной!
Не смѣй пушинки ни одной

Съ печальныхъ крыльевъ уронить,
Чтобъ могъ я ложь твою забыть!
Исчезни, воронъ, безъ слѣда!..“
Онъ каркнулъ:—Больше никогда!

Итакъ, храня угрюмый видъ,
Тотъ воронъ все еще сидитъ,
Еще сидитъ передо-мной,
Какъ демонъ злобный и нѣмой;
А лампа яркая, какъ день,
Вверху блеститъ, бросая тѣнь—
Той птицы тѣнь—вокругъ меня,
И въ этой тьмѣ душа моя
Скорбитъ, подавлена тоской,
И въ сумракъ тѣни роковой
Любви и счастія звѣзда
Не глянетъ—больше никогда!!.

Страна сновъ.

По тропинкѣ одинокой
Я вернулся изъ страны,
Гдѣ царитъ во тьмѣ глубокой
Призракъ Ночи-сатаны,
На окраинѣ далекой,
Средь отверженныхъ духовъ —
Внѣ пространства и вѣковъ.

Тамъ деревья-великаны,
Облеченные въ туманы,
Невидимками стоятъ;
Скалы темныя глядятъ
Съ неба краснаго — въ озёра,
Безпредѣльныя для взора...
Льютъ безмолвные ручьи
Воды мертвыя свои,
Воды сонныя, нѣмыя

Въ рѣки темно-голубыя.
Тамъ, бѣлѣя въ тьмѣ ночной,
Надъ холодною водой,
Точно спутанныя змѣи,
Вьются нѣжныя лилеи.
И во всякомъ уголкѣ,—
И вблизи и вдалекѣ,—
Гдѣ виднѣются озёра,
Безпредѣльныя для взора,—
Гдѣ, бѣлѣя въ тьмѣ ночной,
Надъ холодною водой,
Точно спутанныя змѣи,
Вьются нѣжныя лилеи,—
Возлѣ дремлющихъ лѣсовъ,—
Близъ плѣснѣющихъ прудовъ,
Полныхъ гадовъ и драконовъ,—
Вдоль вершинъ и горныхъ склоновъ,—
Съ каждымъ шагомъ на пути
Странникъ можетъ тамъ найти
Въ дымкѣ бѣлыхъ одѣяній
Тѣни всѣхъ Воспоминаній...
Чуть замѣтная на взглядъ,
Дрожь колеблетъ ихъ нарядъ;
Кто пройдетъ близъ тѣни дивной,—
Слышитъ вздохъ ея призывный.
То—давнишніе друзья,
Лица, нѣкогда живыя,—

Тѣ, что̀ Небо и Земля
Взяли въ пыткахъ агоніи.

Кто, судьбой не пощаженъ,
Вынесъ бѣдствій легіонъ,
Тотъ найдетъ покой желанный
Въ той странѣ обѣтованной.
Этотъ дальній, темный край
Всѣмъ печальнымъ—чистый рай!
Но волшебную обитель
Заслонилъ ея Властитель
Непроглядной пеленой;
Если-жъ онъ душѣ больной
Разрѣшитъ въ нее пробраться,—
Ей придется любоваться
Всѣмъ, что̀ нѣкогда цвѣло—
Въ закопченное стекло.

По тропинкѣ одинокой
Я вернулся изъ страны,
Гдѣ царитъ во тьмѣ глубокой
Призракъ Ночи-сатаны,
На окраинѣ далекой,
Средь отверженныхъ духовъ,—
Внѣ пространства и вѣковъ.

ГЕОРГЪ ГАММЕРЛИНГЪ.

Счастье.

О, не теряй на счастье упованья!
    Пускай судьба его таитъ,—
Но, вѣрь, въ лучахъ небеснаго сіянья,
    Оно нежданно прилетитъ.
Ни ропотъ слезъ, ни жаръ твоихъ моленій
    Его не вызвали на путь,
Но разогнать печаль твоихъ сомнѣній
    Оно должно когда нибудь!

Иди за нимъ съ надеждой терпѣливой,
    Оно блеснетъ издалека,
Какъ свѣтъ зари, какъ радуга надъ нивой,
    Какъ въ темной зелени рѣка.
Оно со звѣздъ падетъ росой алмазной,
    Дождемъ сольется съ облаковъ,
Среди утратъ и скорби неотвязной
    Къ его лобзанью будь готовъ.

Когда въ пескахъ томительной пустыни
Судьба смететъ его слѣды,
Оно, шутя, въ безжизненной равнинѣ
Воздвигнетъ райскіе сады.
Подъ сводомъ-ли удушливой темницы
Надежда крылья разобьетъ—
Оно какъ тѣнь залетной голубицы,
Въ душѣ унылой промелькнетъ.

Когда его ты въ юности не встрѣтилъ—
Узнаешь въ зрѣлые года:
Его приходъ не меньше будетъ свѣтелъ,
Не будетъ позднимъ никогда!
Оно прольетъ по жиламъ опьяненье
У старца, чуждаго мечтамъ,
И можетъ дать въ предсмертныя мгновенья
Блаженство стынущимъ устамъ!

Полночь.

Дитя мое! Приди, склони головку
Ко мнѣ на грудь. Гляди: на темномъ небѣ
Потухли звѣзды, мѣсяцъ закатился
И ночь на міръ накинула завѣсу.

Заботы дня, сомнѣнья, бремя скорби
Остались позади. О, нѣтъ — исчезли
Судьба и міръ, и время, и пространство,
Скатились навсегда въ нѣмую бездну...

О, милая! скажи мнѣ: былъ-ли міръ?
Сдается мнѣ, что только мы съ тобою
Живемъ теперь, и прежде только жили
И пестрый міръ во снѣ воображали?

Да и къ чему-бъ онъ былъ? Какъ будто вмѣстѣ
Чета влюбленныхъ не рѣшаетъ тайны
Всего живущаго?.. На сердцѣ сердце—
И вотъ кольцо всей жизни мы замкнули!

Много птичекъ скрылось,
Лилій — отцвѣло,
Звѣздочекъ — скатилось,
Тучекъ — уплыло;
Много водъ кипучихъ
Въ бездну унеслось,
Много струнъ пѣвучихъ
Въ сердцѣ порвалось!!

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

	стр.
Дума	1
Я вспомнилъ дѣтскіе года	2
Первый слѣдъ	4
Въ блескѣ	6
Въ теплой тучкѣ звѣздочка свѣтила	7
Отъ милыхъ строкъ, начертанныхъ небрежно	8
Я сижу у проѣзжей дороги	9
Меня зоветъ весенній шумъ дубовъ	11
Чистый образъ видѣнья любимаго	12
Не повторяй, что радости превратны	13
Даль прошлаго	15
Вотъ скоро сметутся наносы мятели	16
Слезы	17
Я схоронилъ для думъ ненарушимыхъ	18
Я часто вижу взоръ плѣнительныхъ очей	20
Nocturno	21
Лилія	22
Помнишь лѣтнюю ночь?	23
Два желанья	24
Небо	26
Я ревнивъ къ этой зелени нѣжной	27

стр.
Проснулся вновь, гляжу осиротѣлый 28
Ѣду въ сумерки: зимняя тишь 29
Любимой подруги утрата 30
Твердость 32
О погодѣ: Путь мелькаетъ, мы на волѣ 33
Шумятъ ручьи, подснѣжные ручьи 34
На крышѣ коннаго вагона 35
Въ началѣ жизненной дороги 37
Мимолетная дума 38
Мадригалъ 39
Мимо возрастовъ 40
Иматра 41
Отъѣздъ королевы 43
Другу 46
Силуэтъ 55
Май 58
Пигмей 60
Укоръ 63
Тягость 65
Въ темные дни 66
Раскопки 67
Dolorosa 69
Поученіе 70
Нельзя въ душѣ уврачевать 71
Стансы 72
Пѣвица 74
У гроба Достоевскаго 77
Кончина Тургенева 79
Памятникъ Пушкина 82

II.

На утрѣ дней 87
Мракъ 111
Довольно 127
Обрученные 141

III.

Альфредъ Мюссе:

стр.
Друзья мои! Когда умру я 165
Декабрьская ночь 166
Октябрьская ночь 175
Майская ночь 189
Августовская ночь 198

Жанъ Ришпенъ:

Дѣвочка съ кашлемъ 207
Идиллія бѣдныхъ 210
Печаль животныхъ 212
Эпитафія — для кого угодно 215
На копѣйку мудрости 217
Вопль 221
Какъ часто въ головѣ усталой и больной 222
Осенній сонетъ 223
Ровный, безнадежный 224

Шарль Боделеръ:

Сплинъ 227
Moesta et errabunda 229
Любовь и черепъ 231
Задумчивость 233
Превратности 234

Сюлли Прюдомъ:

Разбитая ваза 239
Свѣтлыя минуты 241
Вальсъ 243
Море 245
Крылья 247
Сказалъ бы ей... но поневолѣ 248

Франсуа Коппе:

стр.

Голосъ разочарованнаго 253

Убаюканное горе 255

Мадьяръ 257

Въ чистилищѣ 259

Эхо 261

На воздухѣ и въ комнатахъ (I. II. III. IV. V.) 262

Эдгаръ Поэ:

Воронъ 269

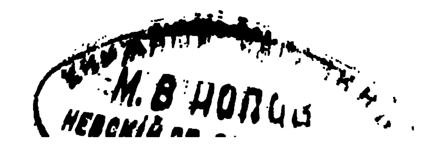
Страна сновъ 279

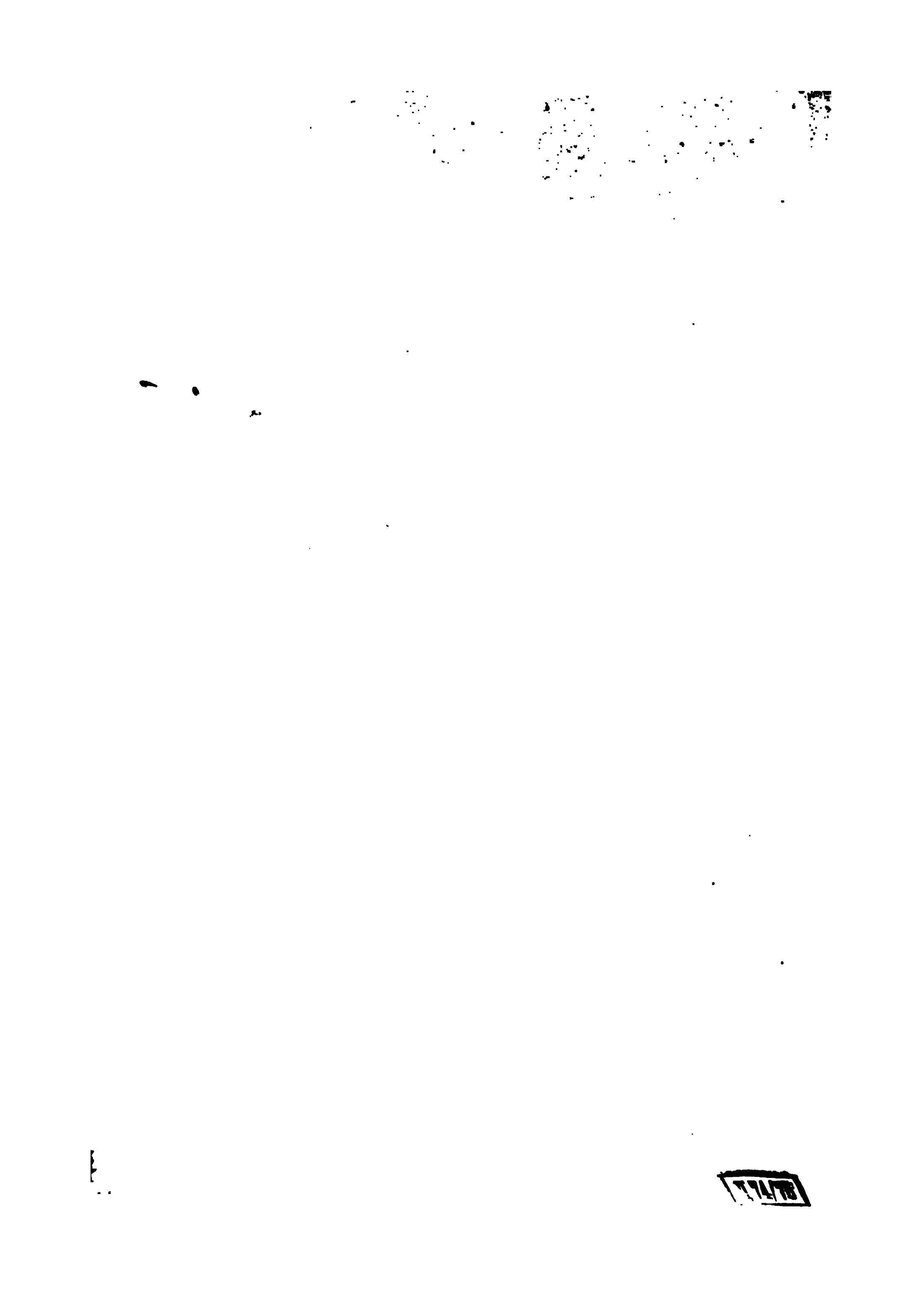
Георгъ Гаммерлингъ:

Счастье 285

Полночь 287

Много птичекъ скрылось 288

DATE DUE

